

Глава 2. Эмиграция и метаморфозы самосознания¹

В первой главе, обсуждая демографический профиль информантов, мы уже касались проблемы идентификации, а сейчас остановимся на факторах, от которых она зависит. Тема идентификации и самоидентификации, давно изучаемая общественными науками, фольклористами стала рассматриваться лишь недавно и, прежде всего, усилиями Дандеса (1965, 1984), Брюнванда (1968) и Баумана (1971). Как уже говорилось в первой главе, Дандес и Брюнванд касались ее в связи с определением понятия фольклорная группа, причем для Дандеса одинаковая идентификация – это краеугольный камень фольклорной группы (Дандес 1965: 2), в то время как для Брюнванда, таковым является общий фольклор (Брюнванд 1968: 21–22). Позднее, Дандес углубил определение, подчеркнув, что человек одновременно включен в несколько групп. Это приводит к множественности идентификаций, часть из которых постоянна, например, пол и раса, а другие, например, классовая принадлежность, переменны (Дандес 1984). Рассматривая традиционный механизм передачи фольклора, Бауман убедительно показал проницаемость для него племенных границ, но подчеркнул непреходящее значение общего языка для понимания устного народного творчества (Бауман 1971). Развивая идеи Дандеса, Оринг отметил связь между идентификацией и признанием (человеком или группой) определенных символов и символических значений. Идентификация личности представляется при этом определенной, хотя и подвижной ментальной конфигурацией, состоящей из воспоминаний, предпочтений, отторжений, а также идей и опыта индивида. Групповая идентификация включает в себя элементы идентификации личности, корнящиеся в опыте и воспоминаниях группы (Оринг 1994: 212). По мнению Дандеса, самоидентификация невозможна без отделения себя от другого. Оринг пошел дальше, утверждая, что осознание себя неотделимо от отторжения чужаков. Не только Дандес и Оринг, но и многие другие фольклористы видят в идентификации одну из ключевых проблем фольк-

лора в целом, и эмигрантского фольклора в частности (Дег 1984; Джонс 2000). Киршенблатт-Гимблетт, в отличие от них, оспаривает роль идентификации как организующего понятия дисциплины, указывая на опасность расизма (Киршенблатт-Гимблетт 1994). Это созвучно позиции Рикёра, предостерегающего от абсолютизации национальных черт вне историко-географического контекста, способной дать пищу идеологически вредным националистическим теориям (Рикёр 1992: 123). Подобно Рикёру и Киршенблатт-Гимблетт, мы предпочли бы не касаться идентификационных проблем, но, к сожалению, не в силах их избежать, поскольку еврейство эмигрантов из бывшего СССР – это одна из центральных тем израильского дискурса². Относительную автономию русскоязычной общины, сложности с изучением иврита, приверженность русской культуре и даже уголовную активность эмигрантов нередко объясняют большим количеством неевреев в составе этой группы (Рубинчик 2002: 218-219). Волнует эта проблема и самих эмигрантов, что проявляется в бурных спорах на страницах русскоязычной прессы и в интернет-форумах. Не были исключением и наши информанты. В отличие от социологов, прямо требующих от информантов указания групповой принадлежности, мы избегали жестких вопросов, предпочитая определять их идентификацию на основе анализа отбора и содержания личных рассказов. В разных условиях людям свойственно подчеркивать разные стороны своей личности, возносить одних предков и «забывать» других (Джонс 2000: 134; Фентон 1999: 7), что усиливается в период миграций. Вопрос «кто я?» становится мучительно трудным, зависимым от личных и общественных процессов, включающих не только самовосприятие, но и восприятие себя другими (Розенталь 1997: 22–23).

Вопрос «кто я?» всплывал в интервью в связи с рассказами об антисемитизме в бывшем СССР, об элементах еврейской традиции, сохранявшихся в семьях, о причинах эмиграции и о месте рассказчиков в новом обществе. Эти четыре темы нередко пересекались, что проявилось и во фрагментах из интервью, приведенных в следующем разделе.

Причины эмиграции

Наши информанты охотно рассказывали о причинах эмиграции, и их ответы в целом соответствуют результатам социологических исследований, проведенных как в Израиле среди новых репатриантов (Лэшем и Сикрон 1998: xiv; Лэшем и Лисак 1999: 141; Аль-Хадж и Лэшем 2000: 11–13; Фельдман 2003), так и в России и странах СНГ среди потенциальных эмигрантов (Брим 1994: 78–81; Рывкина 1996:186)³. Как показали все проведенные исследования, эмиграция 1990-х была мотивирована не положительными факторами, «притягивающими» людей в Израиль, а отрицательными, «выталкивающими» их из бывшего СССР. Неудивительно поэтому, что для рассказов о предэмиграционном периоде характерна высокая тревожность.

Проанализировав содержание интервью, мы выделили девять основных причин эмиграции и приводим их в абсолютных цифрах⁴. Поскольку некоторые информанты называли комплекс причин, побудивших их к принятию решения, общее количество ответов превышает количество респондентов.

Лавина («все поехали, и мы поехали»)	38
Ухудшение экономической ситуации	31
Антисемитизм	21
Дети решили эмигрировать	18
Во имя детей	9
Увеличение преступности	7
Военные конфликты на Кавказе	9
Отсутствие будущего	6
Чернобыльская катастрофа	5
Другие причины	10
Нет информации	24

Среди 24 информантов, ничего не сказавших о причинах эмиграции, 13 человек составляют те, кому в момент отъезда было

меньше 16 лет. По данным психологов Мирской и Правер, подростков редко привлекали к процессу столь судьбоносного решения, как эмиграция, что отразилось и в нашем материале (Мирская и Правер 1999: 86). Итак, три основные причины, названные информантами, – это «лавина», ухудшение экономической ситуации и антисемитизм. Метафора «лавина», как нам кажется, точно отражает внезапное разрушение привычной социальной среды, вызванное массовым отъездом друзей и близких. Люди жаловались на острое чувство одиночества. Многим казалось, что те, кто умнее, уже уехали, чтобы спастись, а участь оставшихся неопределенна (возникал страх «не успеть»). Другие признавались, что поехали «за компанию», по совету знакомых или даже малознакомых людей. Приведем три примера:

Тамара З., 51

Я так подумала: тут, если евреи едут, наверное, есть за чем, наверное, есть причина. Почему? Евреи – не дураки. Раз они едут, значит, надо тоже это.

Петр Г., 43

Петр: А так, а у нас все это начиналось, вообще, случайно. У нас были просто общие знакомые в N., где мы жили. В одной компании мы познакомились. И это оказалась женщина, начальница, значит, ОВИРа, город лучше не указывать.

Интервьюер: Хорошо.

Петр: Начальница ОВИРа. И она как бы сказала: «Давай-те, я вам помогу быстро...».

Интервьюер: Что, мол, вы тут сидите?

Петр: Да. «Что вы тут сидите? – она сказала, – если бы я могла, я бы тоже там». Вот так вот. Как-то все это быстро произошло. Просто оформили документы. Тогда было очень легко, оформили документы быстро очень и уехали, в течение буквально двух-трех месяцев. Очнулись только здесь.

Петр – не единственный, кто рассказал нам о том, что его эмиграция свершилась по инициативе или при поддержке приятелей-

неевреев. Юлия Х., 53; Элла В., 69; Эмма Р., 56 откровенно признались, что без этой поддержки и не помыслили бы об отъезде. Более того, в случае Юлии Х. инициатива исходила от сотрудника КГБ, призванного по долгу службы удерживать «политически незрелых» сограждан от «необдуманного» решения. Заслуживает внимания и другой мотив, упомянутый Петром, а именно, состояние, близкое ко сну, в предотъездный период. Литературовед Вайскопф, также обративший внимание на роль образа сна в мировосприятии эмигрантов, включил его в заглавие статьи, посвященной теме исхода в русскоязычной израильской литературе (Вайскопф 2001).

Анастасия Ц., 48

Ну, очень сложный вопрос, как мы собрались уез... Мы очень долго вообще не собирались уезжать. Как и все. Объяснить тебе, допустим, какими-то нормальными, рациональными мыслями или решениями НЕВОЗМОЖНО (решение об эмиграции). Когда я работала в магазине, у меня было такое ощущение, что весь мир поехал. Поехали все. Я работала в «Букинисте», и каждый день сдавали массу книг. И, если попадалось, например, нееврейское лицо, то я всегда даже удивлялась. Люди ехали. Причем людей не останавливало ничего: ни сложность самого отъезда, ни то, что они здесь оставляют, ни квартиры, какое-то имущество, – ничего. Люди, просто это была какая-то плотина. Ну, что касается нас, сложно сейчас сказать, но я думаю, что вот эта жизнь, она уже тогда на... (пауза), то есть ТАМ ВСЕГДА ЖИЛОСЬ ПЛОХО. Морально плохо, физически. И очень трудно было выжить. (...) Мне всегда хотелось что-то освоить, чему-то научиться. Причем это желание, оно с годами не исчезло, даже сейчас, когда прошло столько лет, я всегда с большим интересом берусь за что-то новое. Мне это любопытно. И я этим меряю себя, то есть человек должен состояться. А состояться можно, по сути, только по тому, когда он что-то сделал. Вот так вот. Вот так вот мы уехали.

Многие информанты, подобно Анастасии, называют разные признаки исхода: телефонные книжки с вычеркнутыми номерами,

исчезновение друзей, растущее чувство одиночества. Для Анастасии таковым стало огромное количество книг, сдаваемых в букинистический магазин, в котором она работала. Российским читателям не нужно объяснять упоминание «нееврейского лица», ибо им хорошо известна роль фенотипа в определении «своих» и «чужих».

Объяснения, подобные процитированным выше, формулируются почти дословно и другими информантами. Практически перед всеми советскими евреями стал вопрос: эмигрировать или оставаться? И даже те, кто выбрал последнее, испытывали мучительные сомнения. Приведем отрывок из газетного интервью с Виктором Шендеровичем:

Интервьюер: Уехать не тянуло?

Шендерович: Да не то чтоб тянуло, но когда в начале 90-х половина моей записной книжки съехала на ПМЖ в другие страны, было, признаться, такое странное, чуть ли не паническое ощущение... Не дурак ли я? Все же едут! Ну, слава Богу, остался (Тролле 2002: 29).

В нашем материале нет признаков того, что мифология «возвращения домой» оказала сколько-нибудь серьезное влияние на принятие решения об эмиграции в 90-е годы, но именно этого ожидало от бывших советских евреев израильское общество. И хотя в официальном дискурсе, по-прежнему, звучит слово «*алия*», социологи справедливо констатируют тот факт, что речь идет скорее об обыкновенной эмиграции (на иврите – *хагира*). Понятие *алия* (восхождение) имеет четкие религиозные и сионистские коннотации. Возвращение в Сион включено в еврейский закон в качестве обязанности каждого еврея и было воспринято светским сионизмом как краеугольный камень его политической программы (Вигодер 1989: 748). Подчеркнем, что метафора восхождения – сугубо положительна и соотносится с фундаментальными категориями культуры (Лакофф и Джонсон 1980: 22). Оно входит, в частности, в такие фразеологические обороты, как *алия ле-регель* (паломниче-

ство), *алия ла-Тора* (восхождение к чтению Торы) и т.д. (Вигодер 1989: 47).

Принято считать, что превалирование «выталкивающих» факторов резко отличает эмигрантов 1990-х от их предшественников, идеологически мотивированных эмигрантов 1970-х. Так, по мнению одного из них, В. Яхота, желание жить в Израиле неразрывно связано с чувством еврейства (Яхот 1973: 42). Нет сомнения в том, что многие люди, прибывшие в Израиль в разное время, были движимы идеологическими устремлениями. Но, думается, что уникальный характер иммиграции в Израиль явно преувеличен, равно как и ожидание более легкой интеграции репатриантов, увлеченных сионистскими идеями. Исследования психологов свидетельствуют об интересном факте: чем выше ожидания мигрантов, тем тяжелее воспринимают они сложности адаптации, независимо от того, хотели они эмигрировать, или были «вытолкнуты» из страны исхода (Берри 1997: 16, 23). Сейчас, тридцать лет спустя, некоторые из эмигрантов 1970-х пересматривают собственные мотивы и чаяния, как, например, одна из ведущих русскоязычных журналисток Анна Исакова: «...правильнее будет сказать, что алия была повсеместно антисоветской и потенциально сионистской. Сложись отношения с израильским обществом иначе, сионистский потенциал, несомненно, сыграл бы свою роль. Но отношения не сложились, и надо бы разобраться, почему» (Исакова 2003а: 22). В другой статье Исакова утверждает, что потенциальный сионизм алии 1970-х улетучился при столкновении с местными чиновниками, затолкнувшими новоприбывших на задворки израильского общества, и формулирует две основные причины такого развития событий: недостаток уверенности в себе со стороны мигрантов и относительно малый численный состав этой волны: «...одно дело – воевать с ненавистной советской властью, другое – с людьми, которые создали государство, воевали за него и относятся к тебе, как к неблагодарному приемышу, взятому в дом из милости и не стесняющемуся выказать черную неблагодарность. (...) Пришлось два десятилетия ждать массовой поддержки, и она появилась в

лице алии девяностых» (Исакова 2003: 8). К аналогичному выводу о взаимодополняющем характере двух волн эмиграции из бывшего СССР пришел и социолог Киммерлинг: «В итоге, обе волны дополнили друг друга. Представители первой волны (1970-х – М.Е. и Л.Ф.), и, прежде всего элита, создали общественную и культурную инфраструктуру, в которой абсорбировались представители второй волны (1990-х – М.Е. и Л.Ф.), тем самым косвенным образом способствовав созданию «русского» культурно-политического анклава в Израиле» (Киммерлинг 2001: 140). Таким образом, различие между «идеологически выдержанной» эмиграцией 70-х и «экономической», «колбасной» волной 90-х представляется менее четким, чем принято считать.

Живучесть мифа о возвращении ощутима не только в риторике прессы, но и в социальных ожиданиях от иммигрантских рассказов, проявляющихся на бытовом уровне. Израильские старожилы нередко разочарованы несоответствием новоприбывших принятой модели *алии*. Настоящие репатрианты, хорошие *олим*, должны, «вернувшись домой», светиться от счастья и проявлять безразличие, если не отчуждение, к стране исхода, ее языку, культуре, традициям, т.е. пройти быструю и безоговорочную ассимиляцию. Но, как выяснилось довольно скоро, эмигранты 90-х не только не захотели расстаться со всем этим, но и во многих случаях продемонстрировали равнодушие к культуре израильской. Подобное отношение к еврейской стране разрушило представления израильского общества о том, что только сильная еврейская самоидентификация могла быть побудительным стимулом прибытия в Израиль (см. Бекер 1991: 454–455). И лишь недавно раздались отдельные голоса, поставившие мифологию уникальности под сомнение. Как показывают социологические исследования, иммиграция в Израиль похожа на иммиграцию в любую другую страну и стимулируется в большей мере политическими, экономическими и социальными проблемами в странах исхода, чем идеологической привлекательностью стран назначения (Шуваль и Лэшем, 1998). Различие между стремящимися в Израиль и теми, кто, покидая недружелюбное

общество, не испытывал желания попасть именно в еврейскую страну, имело решающее значение в условиях возможности выбора. В 1989 г. Соединенные Штаты перестали автоматически предоставлять статус беженца всем советским евреям, покидающим СССР по израильским визам, но намеривающимся приземлиться в Америке (ДелаПергола 1998: 62).

Как уже отмечалось, основные причины эмиграции, встречающиеся в нашем материале, в целом совпадают с данными социологических исследований, но в их распределении по значимости встречаются определенные различия. Так, например, по данным Аль-Хаджа и Лэшема только 4,4% респондентов ответили, что эмигрировали потому, что так поступили все (2000: 11), у Фельдмана эту причину назвали 54% опрошенных, а у нас – 26,5% (38 респондентов), что, однако, показало явное преобладание «лавины» над остальными побуждающими факторами. По-видимому, разница в данных определяется типом опроса. Аль-Хадж и Лэшем предлагали информантам строго структурированные интервью с набором вариантов ответов, которые сами по себе могли повлиять на результат. Мы задавали вопрос общего характера: «почему вы решили эмигрировать?» и выслушивали пространные рассказы, к нему относящиеся. В исследовании, проведенном Бримом и Рывкиной в Москве, Киеве и Минске, эта причина не называлась вообще, поскольку ее не было в структурированном вопроснике (Брим 1994: 122). Френкман-Хрусталева и Новиков, изучавшие причины эмиграции евреев, немцев и русских в Германию в начале 90-х годов, получили этот ответ в 65–72% случаев (цит. по Лебедева 2001: 149).

Подобным образом отличаются и ответы на вопрос о выборе страны проживания. Согласно Аль-Хаджу и Лэшему, «около половины иммигрантов (50,2%) заявили, что прибыли бы в Израиль даже в том случае, если бы были абсолютно свободны в собственном выборе» (Аль-Хадж и Лэшем 2000: 13). В нашем корпусе таких ответов было крайне мало (5), люди открыто признавали, что

планировали эмиграцию в Америку и поехали в Израиль лишь потому, что «Америка закрыла двери».

Вторая важная причина, названная нашими информантами – экономическая нестабильность – также зафиксирована социологическими опросами, причем без больших расхождений, что позволяет нам не задерживаться на ней. Третьей по частоте причиной эмиграции в нашем материале оказался антисемитизм⁵. Рассказы об антисемитизме всплывали в рассказах как собственно евреев, так и потомков смешанных семей, записанных неевреями в советских паспортах (См. также Носенко 2004: 217–247). Важно отметить, что в отличие от Аль-Хаджа и Лэшема, разделивших в своем вопроснике страх перед погромами, антисемитизм и дискриминацию на три самостоятельные категории, мы рассматриваем их как единое целое, ибо дискриминация воспринималась советскими евреями как проявление антисемитизма, а угроза погромов как его крайняя форма. Проиллюстрируем эту мысль на фрагментах из интервью.

Ольга Г., 72

Я работала всю жизнь инженером-переводчиком технической литературы в закрытом институте. (...) И вот мне уже примерно в 79 году, наши особисты начали вызывать меня. Меня несколько раз вызывали и спрашивали, как я отношусь к Израилю? Я говорю: «Никак». Они: «Мол, Вы лояльны по отношению к этой стране?». Я говорю: «Да я вообще не считаю это за какую-то свою страну. Хотя я и еврейка. Потому что она для меня совершенно чужая, у меня никого нет за границей (и это на самом деле было так). И мои дети здесь, мой муж здесь, и я никакого отношения к этому Сиону не имею». И вот, когда... Раз пять меня вызывали! В течение двух лет, наверное. Я этому не придавала значения; мы не знали, что есть какая-то *алия*. До Урала это не доходило, особенно до закрытых городов, каким был Златоуст. И потом, я бы вообще не поехала, если бы не одна роковая случайность.

Однажды мы включили... Даже плохие, знаете, продукты, там, то-другое, это меня совершенно не трогало. Но однажды в 91-м году была такая передача по центральному телевидению: «Глас народа». И вот однажды туда попал, в эту комнатку с микрофоном, попал какой-то такой средних лет человек и обратился, совершенно для меня неожиданно: «Товарищи евреи! Вы погубили нашу страну. Вы споили Россию. Вы всё время её уничтожаете. Вы заняли все тёплые места, везде, везде, везде. (Он перечисляет). И помните (он долго говорил), помните, что наступит день, когда вам самолётов не хватит». Когда я это услышала, я сразу вспомнила фашизм и всё то, что было когда-то. Я думала: «Неужели нам на старости лет и моим детям в каком-то уже, пусть молодом возрасте, приходится пережить то, что мне пришлось пережить?!» И тогда под нажимом моего мужа, который очень хотел уехать, я, конечно, согласилась. И мы начали собираться в Израиль. Очень тайком, потому что это было как бы, понимаете, вето в нашем городе. Ну и, в конце концов, в 92-м году после всех этих мытарств, которые обычно проходят все люди, мы переехали сюда. Никого не зная и ничего не зная. В пустоту.

Рассказ Ольги – это характерный пример государственного антисемитизма. Евреи всегда подозревались в нелояльности к советской стране, даже при отсутствии каких-либо признаков, что в случае Ольги проявилось в неоднократных вызовах в особый отдел. Другой информантке, Юлии П., 58 было отказано в приеме на работу по ложному подозрению в посещении синагоги. Юлия М., 70, Галит Б., 60+, Анастасия Ф., 43 и некоторые другие рассказывали о дискриминации, связанной с поступлением в вуз (см. об этом мотиве Азбель 1982). Вместе с тем, многие евреи привыкли к постоянному недоверию и научились с ним жить. Так и для Ольги перелом наступил не из-за неприятных бесед на работе, а в результате открытого антисемитского выступления по центральному телевидению. Кстати, муж Ольги был одним из пяти нееврейских супругов, выступивших инициатором отъезда, а сама она даже не

скрывает безразличия к Израилю, что встречается и в других интервью.

Следующий пример по-своему уникален, ибо это единственный в нашем корпусе рассказ об антисемитизме советских властей, рассказанный нееврейкой.

Людмила З., 44

Людмила: Мы уехали в Израиль. Получилось так, что произошел, из-за, на почве национальности. Муж имел проблему с милицией, и я, побывав на приеме в КГБ, приехала домой и сказала: «Сема, собирай вещи, мы уезжаем. То есть... Я сама с Люберец. Это такой бандитский город. Встал вопрос в том, что мы были как-то в ресторане с мужем, и милиции не понравился профиль моего мужа. И началось преследование в прямом смысле слова. Тогда я еще верила в правду. Я дошла до приемной КГБ. Я ездила туда на прием, и в тот же день, когда я приехала оттуда, я сказала, что я согласна ехать. Более того, в Москве закон: четыре месяца, и должны дать разрешение на выезд. Мы его ждали одиннадцать месяцев, нам всячески препятствовали. А за все это время нас потихонечку терроризировали угрозами вплоть до того, что кидали в окна камни. Причем делала это милиция.

Интервьюер: Милиция?

Людмила: Милиция. Люберецкая милиция. Я конкретно могу сказать фамилии, до сих пор их помню (опускаем фамилии). В общем, там сфабриковали такое дело на мужа, что я поняла, что это правды не докажешь и только потеряешь мужа. Поэтому мы фактически собрались быстренько, все это делали по-тихому, хотя тогда уже можно было не бояться, и быстренько уехали. Приехали мы сюда только с чемоданами. Мы не отправляли ничего. Мы взяли одежду и детей.

Разговоры по поводу возможной эмиграции продолжались в Людмилиной семье в течение восьми лет, причем она категорически возражала против нее, пока дело не дошло до угроз. Желая

показать, что угрозы легко могли перерасти в расправу, Людмила подчеркнула бандитскую репутацию города. Отметим, что Людмила с некоторой наивностью не замечала антисемитизма до той минуты, пока он не коснулся вплотную ее мужа, а затем в русле народного представления о «добром царе» отправилась в КГБ. По наблюдению Рывкиной, повышенная уверенность в силе и возможностях государства – это характерная черта советских людей, сохраняющаяся и в постсоветское время, когда государство потеряло реальную способность обеспечить личную безопасность своих граждан (Рывкина 1996: 136). Разочарование Людмилы в защите КГБ привело к потере веры в систему в целом. Из противника эмиграции она стала ее движущей силой. Семья фактически бежала, бросив имущество на произвол судьбы. Несмотря на то, что в Израиле брак Людмилы распался, воспоминания об испытанных страхах и унижениях, связанных с преследованиями мужа-еврея, сохранили свою эмоциональность. По мнению историков, рост национализма в начале 1990-х годов был защитной реакцией на падение коммунистического режима, демократизацию и на болезненный переход к рыночной экономике (Брудный 1998: 2). Антисемитизм традиционно усиливается в кризисные периоды (см. Цала 1995: 184–219) как ответ на потерю ориентации в «холодном, отчужденном и, в основном, непонятном мире» (Адорно 1950: 608). В годы перестройки государственный антисемитизм начал постепенно отходить в прошлое, но на смену ему пришел новый, общинный, антисемитизм, преобладающий на Западе, но до сих пор неведомый советским евреям (Членов 1997: 14). Российским читателям известно, что одним из следствий отмены цензуры стало распространение всевозможных добровольных ассоциаций, в том числе и ультра националистических, среди которых общество «Память» выделилось своим агрессивным характером. Неслучайно поэтому и упоминание этого общества в ряде интервью в связи с принятием решения об эмиграции.

Интервьюер: Вы помните, как Вы ей (десятилетней дочери) рассказали о том, что собираетесь уезжать? Какова была ее реакция?

Лаура: Да ничего конкретного вот так о реакции нельзя сказать, потому что это все такой процесс какой-то незаметный, какой-то постепенный. Это работает (жест в сторону магнитофона), да, уже? Что были какие-то моменты, которые провоцировали и как-то ускоряли. Случились тогда сборища у Румянцевского садика, сборища «Памяти». Это было и любопытно, и страшно. Потом начались какие-то с желтыми знаменами, со списками настоящих фамилий. Вы помните это?

Интервьюер: Я помню про митинги, но то, что были даже списки с фамилиями, я не помню.

Лаура: Возле Казанского собора. У них были такие огромные полотнища, и на них были написаны настоящие фамилии. Там, Свердлова, там, я не знаю... Ну, в общем, откопано было и... То есть сейчас это уже не представляет, а тогда это было все вновь, новое. И, в общем, страшновато. А потом нашли мы у себя в почтовом ящике листовку. Не помню содержание точно, но шла речь о том, что, вот, такого-то числа ждите. Готовьтесь! И мы уезжали из города к маме, к матери моей.

Интервьюер: Это был восемьдесят девятый год? Не помните?

Лаура: Это был восемьдесят восьмой, наверное. Вот. А потом, когда мы получили... Мы получили вызов... То есть... А, вот, так это было. Значит, наши родственники начали посещать какие-то встречи, то ли с представителями посольства... Кто-то приезжал, вот, в Кировском дворце были несколько раз встречи. Ну и мы, в общем, за компанию. Потому как тоже евреи, тоже интересно.

Несколько раз в течение интервью Лаура подчеркнула случайность решения об эмиграции, спровоцированного внешними обстоятельствами (см. пятую главу). И, тем не менее, процитированный фрагмент недвусмысленно показывает, что страх перед погромами занимал в процессе его принятия не последнее место.

Воспоминания об этом периоде ассоциируются у Лауры с конкретными местами в Ленинграде, родном городе и рассказчицы, и интервьюера, что стимулирует доверительный контакт. Поиски козлов отпущения в конце 1980-х, как и в конце 1940-х годов, сопровождались разоблачением русских псевдонимов евреев, прославившихся на политическом, хозяйственном и культурном поприще с целью свалить на них провалы в экономической и общественной жизни страны (Орен и Прат 1988, т. 4: 526–527).

Нина К., 60+

(о причинах отъезда)

... одна из моих приятельниц, но не очень близких, но тем не менее, сказала: «Правильно делаешь, что уезжаешь. Вот, понимаешь, я не пойду бить евреев, но за своего сына я не ручаюсь». А другая моя приятельница из очень (пауза) такого интеллигентного круга, очень интеллигентного, и-и сама занимавшая большое, так сказать, положение в области культуры и прочее, сказала такую вещь: «В общем, жаль, что евреи уезжают. Они все-таки были, ну, такие (пауза) тихие». Вот. И только одна моя приятельница-журналистка сказала мне: «Нинка, прости меня за то, что тебе приходится уезжать!»

Элла В., 69

Элла: Мысль об эмиграции, первая мысль возникла после э-э паники, которая поднялась в связи с угрозами общества «Память» э ленинградское. И-и нам сказали, что, я помню, что это было в феврале, число 25–24, что будут еврейские погромы.

Интервьюер: В феврале, какого года?

Элла: Э-э это было 90-й год. Это был точно 90-й год, и у меня была невестка с маленькой внучкой 5-ти месячной. И как раз 25 или 24 февраля они должны были ехать это э в Москву, в общем-то, в Пермь, но через Москву. И прибежала моя соседка (напротив) – тоже услышала, простая женщина (пауза) русская, и сказала: «Элла, если что случится, бегите ко мне». Вот это было ужасно очень, потому что это был

такой осязаемый страх. До этого не было. Пока она ко мне так не пришла, а-э-м как-то мы так. А вот когда она, русская баба, поняла, что нам что-то грозит, восприняла это серьезно, и мы начали смотреть очень серьезно на эту проблему. (...) Вторая часть — э начал уезжать народ. И я поймала себя на мысли о том, что я в своей книжке записной вычеркиваю телефоны. И-и проходили месяцы и (неразборчиво) решение созрело где-то, где-то поздней осенью 90-го года, и мы понимали, что мы остаемся в каком-то вакууме.

Эллин рассказ чрезвычайно типичен для эмигрантов начала 1990-х годов. Отметим, что осознание опасности пришло к ней лишь опосредованно, как отклик на тревогу соседки-нееврейки. Ощущение вакуума было не менее пугающим. В отличие от Ольги Г., для которой пустотой был Израиль, для Эллы вакуум стал реальностью в родном для нее городе, где она, как и многие другие информанты, внезапно осталась без близких людей.

Татьяна Ж., 70

Ну, начнем, пожалуй, с того, что, когда ситуация в России стала меняться не в лучшую сторону, и когда Жириновский появился... А мы не знали, что за ним стоит. И фашистские эти самые организации появились. И в начале по телевизору иногда показывали, как они маршируют. И когда ты едешь в Москву, — а мы рядом же с Москвой, мы часто ездили в Москву-то (несколько предложений неразборчиво). Как-то это очень неприятно заволновало, потому что я знала об антисемитизме, но сама я не чувствовала его. Потому что я наполовину еврейка. И мама — мама у меня еврейка — она постаралась, чтобы я не чувствовала, что я еврейка, чтобы гены эти на меня не шли. (...) И пусть я вообще объективно не страдала. Ну, вот, у меня возможность была защищаться свободно, и кафедру занять свободно, но и все это. Однако внутри у меня все равно... Когда все это я увидела, то стало очень неуютно пребывать здесь, да. А потом у меня приятели были (неразборчиво). Например, я садилась в трамвай, и мне казалось, что... Я старалась не са-

диться, потому что я боялась, что мне скажут: «А ну-ка встань, жидовка! Чего ты тут сидишь?! Я сяду». Вот какие мелочи. А крупные, то, что вот, действительно, пришлось, когда Жириновский на выборах, и я испугалась. И я не за себя испугалась. У меня дети не хотели ни двигаться куда, ничего. Они вообще этот вопрос не поднимали никогда. То есть у меня сын, он, жена у него русская. А внучка моя, она русская получается, потому что у нее мама русская, да. И он не полностью еврей, потому что у меня... Но внучка, она похожа на еврейку. Прямо у нее такие волосы, у нее такое длинной формы лицо. Ну, в общем, она ярко выраженная еврейка, хотя блондинка и все это. И меня это стало пугать, хотя в паспорте – да, русская. Но, как говорят, бьют не по паспорту, а по морде, да? Вот. Я стала шевелиться, чтобы уехать.

По словам Татьяны, дети не разделяли ее страхов, и она надеялась, что, двинувшись сама, сдвинет и их. Надежды эти оправдались только наполовину: дети уехали, но не вслед за ней в Израиль, а в США. Отметим, что Татьяна не только была зарегистрирована в советском паспорте как русская, но и, стараниями матери, была воспитана в отчуждении от еврейства. «Чистые» документы, обеспечившие ей удачную карьеру, чуть было не стали камнем преткновения в период эмиграции, поскольку еврейство пришлось доказывать. Изменение ситуации в России проявляется и в страхах за внуку. Еврейские «гены», с которыми боролась мать Татьяны, с неожиданной силой проявились в практически русской внучке, дав повод упомянуть популярный анекдот. Роль фенотипа всегда была чрезвычайно важна в СССР для определения национальности на бытовом уровне. Однако, при государственном антисемитизме решающее значение было все же за документами, которые в новой ситуации общинного антисемитизма более не гарантировали безопасности. Страх перед антисемитскими выпадами в общественных местах и, прежде всего, в транспорте и в магазинах в периоды дефицита, свойственен не только Татьяне, заранее предполагающей, что пассажиры ее не защитят.

Эта тема всплывала и в ряде других интервью, например, в рассказах Владимира Б., 70; Софии Е., 48; Риммы Г., 69 и др. Чувство тревоги, вызванное активностью ультранационалистов в конце 80-х – начале 90-х годов, открыто маршировавших на демонстрациях, выступавших по центральному телевидению, распространявших листовки и буклеты, заметно не только в интервью с эмигрантами. Как видно из интервью с евреями СНГ, проведенными Рывкиной в 1995 г., напряженность сохранялась и в середине 90-х. Вместе с тем, как отмечают Рывкина и Лебедева, количество респондентов, говорящих о росте антисемитизма, существенно превосходит количество тех, кто столкнулся с ним лично (Лебедева 2001: 150; Рывкина 1996: 115–137). Усилившийся антисемитизм испугал евреев своей агрессивностью, спровоцировав желание эмигрировать. Более того, он заставил многих переосмыслить прошлое, когда чувство бессилия заставляло их сдерживать гнев и проглатывать унижения.

Эсфирь Я., 35

Эсфирь: Пионерский лагерь, в котором я, меня отправили, он был очень хороший, от какой-то текстильной фабрики или что-то в этом роде. Ну, там дети были соответствующие, то есть дети, соответствующие уровню населения, да. То есть слово «еврей» они, конечно, слышали и даже могли, наверное, определить. То есть меня они определили безошибочно. Когда я заходила в столовую, столовая была очень большая, был большой лагерь, такое оборудование прекрасное. Там давали красную рыбу и даже какую-то икру, не помню, красную или черную, какую-то давали. Смена была сорок дней. Очень хороший считался лагерь. Значит, когда я заходила туда, еду мне не давали, говорить нечего, значит, дети сидели и, в такт отбивая ложками, одновременно повторяли: «Вы, евреи, едите наш хлеб». Я не могла сказать родителям, чтобы меня оттуда забрали, по какой причине. Как я могла им это объяснить?

Интервьюер: Почему Вы не могли?

Эсфирь: Ну, как я могла сказать родителям? Мне казалось, что для них это, их ранит, им это будет больно. Ну, как я могу им это сказать?

Рассказывая свою историю, Эсфирь опиралась на фоновые знания, общие для нее и для интервьюера. Упоминая о «соответствующих детях» в лагере текстильной фабрики, она имела в виду их рабоче-крестьянское происхождение, считая, что в этой среде антисемитизм впитывался чуть ли не с молоком матери. Многие советские евреи предполагали, что антисемитские настроения среди рабочих и крестьян распространены чаще, чем в среде интеллигенции. Данные одних исследований говорят в пользу такого подхода (Винер, 2002: 209; Собкин, Евстигнеева 2000: 320), а данные других, – противоречат ему (Носенко 2004: 219). Заметим, что определение «хороший лагерь» охватывает исключительно его материальную оснащенность и богатое меню, оставляя за скобками психологическую атмосферу. Трудно поверить, что воспитатели и пионервожатые не видели издевательств над ребенком – в столовых всегда присутствовали взрослые. Заметим также, что Эсфирь никому не пожаловалась, не веря ни в готовность сотрудников лагеря, ни в способность родителей ее защитить. Антисемитизм не был главной причиной, подвигнувшей Эсфирь на отъезд, но, как видно из интервью, был основой отчуждения, испытываемого ею на протяжении всей жизни в СССР, несмотря на глубокую привязанность к русской культуре. Усиление антисемитизма в период распада СССР можно было предвидеть. По мнению Карклінс, и на индивидуальном, и на групповом уровне этнические отношения в СССР всегда были связаны с оценкой собственного положения, делавшейся на основе культурных, экономических и политических ценностей, а также видения собственных интересов. Изменения в распределении этих ценностей, вызванные колебаниями политической ситуации, экономическими ограничениями и демографическими изменениями приводят к переоценке статуса этносов. Иными словами, любое изменение статус-кво может при-

вести к серьезным нарушениям этнической гармонии (Карклинс 1986: 210), что и произошло на практике (Герасимова 2002: 83–108). Отметим, что готовность к антисемитским нападениям у информантов неразрывно связана с осознанием собственного еврейства.

**Советские евреи:
евреи или «лица еврейской национальности»?**

Как известно, в Советском Союзе евреи воспринимались как этническая группа, обладающая общим гено- и фенотипом. Систематическое разрушение еврейских культурных организаций, преследования преподавателей иврита, дискриминация верующих всех конфессий привели к забвению поколениями советских людей, включая и евреев, роли религии в определении и объединении евреев независимо от места их проживания, цвета кожи и разговорного языка (Гарфинкель 1997: 5). Парадокс советской национальной политики, по верному наблюдению Гительмана, состоит в том, что государство, основанное на марксистском тезисе отрицания наций, способствовало закреплению национального сознания и национальной самоидентификации, введя обязательную регистрацию национальности в паспортах. Евреи остались евреями не потому, что хотели ими быть, а потому, что советское государство видело их таковыми. Отделение еврейства, понимаемого как этничность, от иудаизма, понимаемого как религия, позволило выжить первому при разрушении последнего (Гительман 1992: 76). Роль «пятого пункта» сегодня осознана и в России. Рывкина, например, называет его «пресловутым» и подчеркивает, что именно он мешал ассимиляции и причинял людям массу проблем (Рывкина 1996: 82–89). В очерке «Прощание с пятым пунктом» Тишков говорит, что введенная в 1934 г. практика официальной фиксации этнической принадлежности граждан была нелепой и достаточно злостной по замыслу и исполнению.

Выражение «пятый пункт» вошло в советский фольклор как символ дискриминации граждан по этническому принципу. Именно эта паспортная запись, а не внешность или звучание фамилии, служила основным признаком селекции граждан для осуществления наиболее преступных нарушений их прав, прежде всего, со стороны самого государства. Репрессии, депортации, «поражения в правах», отказ в выборе места проживания и в получении работы, сдерживание продвижений по службе, зачисление в категорию «невыездных» и многие другие печальные явления прошлой жизни творились почти при обязательном заглядывании чиновника в данный пункт паспорта или кадровой анкеты (Тишков 2001а: 88).

Разделяя данное утверждение в целом, заметим лишь, что и внешность недооценивать нельзя, поскольку именно она нередко провоцировала конфликты на бытовом уровне.

Эмигрировав в Израиль, советские евреи неожиданно столкнулись с новыми для них аспектами еврейства и, прежде всего, с расовым разнообразием соплеменников, объединяемых не фенотипом, а общими религиозными традициями. Тема еврейства звучит не только на страницах русскоязычной израильской прессы, но и в личных беседах эмигрантов, мало кого оставляя равнодушным. Приведем два фрагмента, отразившие понятийную путаницу.

Зина Б., 53

Зина: Я не представляла, я никогда не видела евреев черных, и я никогда не подозревала, что эфиопы тоже евреи. И почему-то мне, на минуточку, стало казаться, что евреи – это не национальность, а это ве...ро...ис..., это вера.

Интервьюер: Ну, в общем, многие так и считают.

Зина: Я этого не понимаю. В Союзе, там, я в бывшее время все-таки считала, что евреи – это национальность. А теперь я не понимаю просто. И если судить по этому, то я растерялась, и теперь вообще не понимаю, а кто же я... Очень трудно! Очень! И если к этому относиться очень

серьезно, то мне кажется, что это влечет за собой массу проблем. Я просто стараюсь это отодвинуть настолько, чтобы не думать. Потому что мне сейчас еще какую-то новую проблему ... У меня их уже было достаточно.

Растерянность Зины проявляется не только в том, что она говорит, но и в том, как она это делает. Ее речь, в основном правильная и красивая, сменяется в приведенном отрывке рядом незаконченных фраз, обозначенных в транскриптах многоточием и сигнализирующих, наряду с исправлениями и паузами о сомнении, самоцензуре и неловкости при обсуждении неприятных тем (Ван Дейк 1989: 119; Водак и др. 1999: 10). Отметим, что проблема определения еврейства Зину лично, с формальной точки зрения, никак не ущемляет. Дочь матери-еврейки и отца-поляка, она была записана русской в СССР, а затем в соответствии с Галахой, зарегистрирована еврейкой в Израиле. Она может позволить себе отгородиться от политических, философских и религиозных споров, поскольку их исход не скажется отрицательным образом ни на ее статусе, ни на статусе ее троих детей, рожденных от отцов-неевреев. И, тем не менее, Зина перевела разговор на другую тему, опасаясь, что неконформные речи могут усложнить ее и без того трудную жизнь. Аналогичным образом она повела себя и в другом случае, когда в беседе был затронут арабский вопрос (см. главу третью). Отметим, что и некоторые другие эмигранты пожилого и среднего возраста побаиваются напрямую обсуждать политические и социальные вопросы, если их мнение не совпадает с тем, которое кажется им общепринятым в израильском обществе, что, безусловно, является наследием советского прошлого. Характерно и стремление уйти от метафизических проблем, лишь мешающих в ежедневной борьбе за выживание.

Аркадий Т., 57

Интервьюер: Скажите, а Вы представляли себе, что евреи из разных стран столь разные?

Аркадий: Настолько? Я представлял, но не настолько. У меня было представление какое-то, может быть, примитивное, что евреи – это по крови. А насколько мы столкнулись тут, евреи – это по вероисповеданию. Больше, наверное, нежели даже по крови. Я сравниваю, допустим, ну, например, христиане. От того, что у него вероисповедание – христианство, католик, например. В Англии, в Польше, в России бывшей, скажем, в Африке, в Австралии, но от этого этот африканец, скажем, ну... страна Мозамбик. Он не становится англичанином, или французом, или поляком, просто вероисповедание остается. Значит, у нас, насколько мы видим, значит, неважно, откуда приехал. Черный эфиоп или *тайманец*, как *тайманец*?

Интервьюер: Нет, это йеменец. *Тайман* – это йеменцы.

Аркадий: Йеменцы? Вот. Значит, важно даже... Основное – это вероисповедание.

Интервьюер: И Вы восприняли это?

Аркадий: Да. Абсолютно, без всяких. Почему бы нет, в конце концов? Если так считается, основное, чтобы был, как говорится, *бен-адам*, чтобы был человек. Потому что, к великому сожалению, мы, приехав сюда...

Несмотря на то, что Аркадий, по его собственным словам, воспринял религиозную составляющую еврейства, однако, сделал это, судя по всему, скорее формально, чем на глубинном уровне. Его рассуждения о различии вероисповедания и национальности, равно, как и готовность признать евреем любого хорошего человека, свидетельствуют именно об этом. Как известно, понятия национальность и гражданство в СССР отнюдь не были синонимами, поэтому Аркадий и противопоставляет их, не зная, что темнокожий выходец из бывших французских колоний, получивший французское гражданство, считается французом. Подобная ошибка не единична. Так, например, Анастасия Ф., 43, рассказала о своем споре с французским пограничником в парижском аэропорту, заменившим в заполненном ею бланке национальность «еврейка» на

«израильянка». Никакие объяснения о том, что израильянином может оказаться и араб, и украинец, и узбек ей не помогли, ибо для пограничника «национальность» была тождественна гражданству.

Как известно, потомки смешанных семей обладали привилегией выбора национальности одного из родителей в 16-летнем возрасте и обычно записывались неевреями. Эта прагматическая ситуация, отразившаяся во многих рассказах, иногда осложнялась внутренним конфликтом и, прежде всего в неполных семьях, когда подростку предстояло выбрать национальность отсутствующего отца.

София Ш., 31

София: То, что я еврейка, я узнала, когда мне было шестнадцать лет.

Интервьюер: Когда паспорт надо было получать?

София: Да. Я воспитывалась без отца. И никогда разговоров об еврействе в доме не было. Я знала, что мой отец – русский. Я знала, что у мамы в паспорте написано слово «еврейка». И когда я пошла получать паспорт, я позвонила маме на работу и сказала: «Мамочка, там же будет эта пятая графа, и я в ней напишу, как у тебя». Даже не сказала слово. И я услышала, как мама на другом конце провода заорала: «Дура, не смей! Пиши: русская». Потому что у нее была своя история, действительно очень неприятная, со всем с этим. Ее провалили там, и там, и там именно на пятой графе. И тогда я поняла: что-то тут не то. Что-то в этом плане может быть... И вот с этого момента, как раз тогда начались, вот, эти все друзья, знаете. Тот самый возраст. Я поняла, что, поскольку это что-то тут не то, то, наверное, это нельзя скрывать. И нужно людям, которые с тобой общаются, дать сразу выбор. То есть, когда входил новый человек в нашу компанию уже устоявшуюся, утрясшуюся, сразу же говорилось: «Меня зовут Софа, и я еврейка». Вот, ну, не в первом предложении.

Интервьюер: Записались еврейкой?

София: Нет, русской.

София – не единственная, кто сравнительно поздно узнал о собственном еврействе. Некоторые впервые слышали о нем, когда приходилось заполнять формуляры в библиотеке, другие – из школьного журнала, а третьи из насмешек или прямых оскорблений из уст сверстников или взрослых. Многие признают, что ответ на вопрос о национальности был проверкой на храбрость. Другая «половинка» Вероника Р., начала сообщать всем о своей национальности после того, как школьный товарищ сокрушенно заметил, что никогда не сможет жениться на ней из-за ее еврейства. Анастасия Ф., 43 призналась, что в 12–13 лет насильно заставляла себя прямо отвечать на поставленный вопрос о национальности, не прибегая к мямлящим уловкам, типа: «Какое это имеет значение?» (из этнографического дневника)⁶. Подобные эмоции описывает и бывшая диссидентка Лариса Богораз, приехавшая в Израиль в 1970-х годах. О еврействе она узнала лишь в школе и быстро поняла, что речь идет о серьезном недостатке. Рост антисемитизма стимулировал еврейское самосознание девочки, вызывая прилив гордости от решимости открыто признать «позорный» факт биографии (Богораз 1973: 61–62). Интервью и многочисленные личные беседы указывают на значимость эмоциональной реакции на антисемитизм у представителей первых трех групп. В целом наш материал, так же как и интервью, проведенные Носенко, опровергают тезис Гительмана и др. о том, что приобщение нечистокровных евреев к своим корням происходит посредством когнитивного, а не чувственного восприятия (Гительман, Червяков, Шапиро 2000: 63; Носенко 2004: 217–247). Таким образом, для нескольких поколений советских евреев признание собственной национальности было частью испытания на зрелость. Напомним, что София, вызывающе декларировавшая еврейство, воспринимала его как форму инвалидности, способную разрушить человеческие отношения. Отметим, что, говоря о русском отце, она не называет еврейкой мать, а лишь признает, что «слово еврейка» было проставлено в ее паспорте. Называя себя еврейкой, София не чувствовала

ла себя таковой и не стремилась к общению с евреями. В семье не соблюдали каких-либо еврейских традиций, разве что иногородняя бабушка присылала немного мацы. София, как и многие другие информанты, даже не знала, где расположен Израиль (см. четвертую главу) и абсолютно не интересовалась им.

Трудно предположить, что еврейская тема случайно не возникла в семейных разговорах. Скорее иное – родители сознательно избегали ее, чтобы «не травмировать» детей.

Инна Х., 52

Инна: Дома у нас была совершенно рафинированная такая вненациональная атмосфера. Никакая! Понимаете, чтобы когда-то кто-то обсудил кого-то?! Или сказал, что кто-то плохой, а кто-то хороший?! Нет, вот, стерильная была обстановка, я была к жизни не готова вообще!(...) Никаких национальных обсуждений не было. Правда, я знала, потому что опять же существует двор, что у отца была репутация, вот у отца, предположим, защитник евреев.

Интервьюер: И это считалась плохая или хорошая репутация?

Инна: Я даже не могу это однозначно, потому что в принципе, относились хорошо.

Интервьюер: К отцу?

Инна: Да, хорошо. И вот (пауза) вот была, правда, в каком-то смысле стерильна. Я и не понимала-то. Я выросла в полном смысле в советском этом безнациональном этом самом... как это у нас было? В семье братских народов. Но опять же благодаря двору, я понимала, что лучше быть белорусской, чем еврейкой, жидовской мордой не обзовут там в случае чего.

Попытки воспитания детей в духе интернационализма, не акцентируя внимания на их собственной этнической принадлежности, были сочетанием остаточных романтических надежд на построение равноправного общества и молчаливого признания их крушения⁷. Ироническое признание Инной собственной стерильно-

сти в национальных вопросах не скрывает того факта, что травматичная информация все-таки прорывалась, противореча установкам семьи. Мучительный внутренний конфликт мог привести и к нервному срыву.

Мария С., 25

Моя *алия* началась задолго «до». Дело в том, что в один прекрасный день моя мама вошла ко мне в комнату с возбужденными глазами и сказала: «Иза хочет ехать в Израиль. Я тоже хочу!». Я была в ужасе. Иза – это подруга моей мамы. Я была в ужасе. Как? Бросить Родину? Я не могла этого понять, я была в транс. Я долго не могла прийти в себя, но со временем все это переваривалось. Я еще училась в классе восьмом. Я стала об этом думать. А тем временем в Москве, кажется, проходила выставка израильской книги. Туда пошел мой дедушка. Я была в ужасе: как? Дедушку могли засечь! Дело в том, что я всю жизнь страдала от того, что боялась, что меня разоблачат. Когда меня записывали в школу, родители меня записали не как еврейку, и все десять лет я страшно боялась, по ночам просыпалась в холодном поту, потому что мне приснилось, что меня разоблачили. Мне было очень страшно. Я всячески старалась отогнать от себя мысль о том, что у меня такое пятно в биографии. И вдруг я слышу от мамы такую вещь. Мало того, что она признается в своей принадлежности к еврейской нации, она еще хочет предать Родину. Я была в ужасе, но со временем я это дело переварила. (...) Рассказать об этом друзьям?! Упаси боже! Я страшно боялась, что об этом кто-то узнает, но, в конце концов, мне родители сказали: «Тебе нужно получить паспорт. Ты знаешь, что тебе нужно там написать». Я, дрожа от ужаса, пошла в ЖЭК (или ДЭЗ, ДЗУ). Я пошла заказывать себе паспорт. Дрожащей рукой подала эти документы. Потом через какое-то время я получила паспорт, где было написано довольно коряво вместо каллиграфического почерка «еврейка». Я посмотрела на это, захлопнула паспорт и спрятала его куда-то. В конце 10-го класса мне нужно было его сдавать в школе. В тот день, когда я его сдала на оформление аттестата, кончились мои страхи пе-

ред разоблачением. Классная руководительница, как только обнаружила вещественное подтверждение того, что она по-дозревала в течение нескольких лет, она тут же побежала это рассказывать всем. Меня срезали на нескольких экзаменах, которые принимала директриса, которая была жуткая антисемитка. Меня спрашивали по одному билету, а заваливали по другому.

Мы не знаем, происходит ли Мария, зарегистрированная в Израиле еврейкой, из смешанной семьи, или ее нееврейские документы были результатом подлога. Важно другое, а именно страх разоблачения, изгойства, что отразилось в подборе слов: «я была в ужасе», «по ночам просыпалась в холодном поту», «дрожащей рукой», подчеркнута «корявый» почерк с ужасным словом в паспорте и т.д. Еврейство для Марии – позор и преступление. Подобно Марии, Шимон К. тоже воспринял эмиграцию как измену Родине, что было прямым следствием советской пропаганды. Характерно, что долго скрываемое еврейство становится для Марии и ее родителей пропуском в Израиль. С аналогичной трансформацией самоидентификации столкнулся и другой информант, подростком прибывший в Израиль.

Виктор П., 22

Интервьюер: А как тебе объяснили, почему вы уезжаете, куда вы уезжаете?

Виктор: Объяснили. Ну, это понятно. Это я э-э сразу понял, куда мы едем. В Израиль едем, и э-э все стало, так сказать, на свои места. Сразу стали евреями⁸. Хм.

Интервьюер: А до этого?

Виктор: А до этого были русскими.

Репрессивный характер советской системы не только пугал людей, но и стимулировал поиск обходных путей, в том числе и связанных с нарушением закона (см. первую главу). Мы уже говорили о манипуляциях с «пятым пунктом», а сейчас подчеркнем, что подлог предполагает участие в нем, по крайней мере, двоих: одним является представитель власти, готовый за взятку или из че-

ловеколюбия нарушить закон, а вторым – человек, стремящийся этот закон обойти.

Элла О., 55

Элла: И ещё интересный случай – я забыла Вам рассказать, тоже, что в моей жизни, поменяло мою жизнь. В корне! Когда мне исполнилось 16 лет, я должна была получить паспорт. А у нас милиция, паспортный стол, были во дворе швейной фабрики. Начальник паспортного стола – я никогда не забуду – его фамилия была Чернов. Я одно путаю с другом...

Интервьюер: Ничего страшного.

Элла: Это был интересный такой мужик, украинец. Но его, почему-то все говорили на него, что он антисемит. Он не любит евреев, и такой он, суровый, но он был очень такой, красивый, как говорили красивый хохол. Здо-ро-вый мужлан такой, дебелий. Такой вот, с голубыми глазами, с таким украинским говором, с баритоном таким. Ну, настоящий мент, как теперь говорят. И он постоянно кушал у нас в столовой на швейной фабрике. А когда у нас бывали концерты, так они всей милицией ходили к нам смотреть. И он слышал, как я пела и как я пою. И когда исполнилось мне 16 лет, я ж получила паспорт и сразу уехала. Я пришла получать паспорт. Значит, в свидетельстве о рождении у меня написано: папа мой – еврей и мама моя, конечно, еврейка. Когда он стал выдавать мне паспорт, он закрыл дверь и сказал: «Я» – секретарше – так, Марыно, мене нема. Мені треба поразмовляти з цією дівчиною». Закрыл двери, и там тогда были такие двери, ещё кожаные, как звукоизоляция. Вот. Сейчас даже нет таких дверей, чтобы никто не слышал. Он говорит: „Седай дитинко. Мені треба з тобою побалакати.” Я, вот, помню всё это, как сегодня. Это очень интересный случай в моей жизни был. И он мне говорит: “Оце каже ще... шо Чернов, це я. Шо я тобі буду казать... тобі ніхто не скаже, що я тобі таке казав. Бо я – начальник міліції, не, я – начальник паспортного стола, я – начальник міліції, тут ВЕЛИКИЙ начальник”. Вот, мол, “тебе никто не поверит, что я мог тебе такое сказать, потому что ВСЕ в N. считают, что я большой

антисемит. Но я тебе скажу (ударение на «а») что моя жинка – жидівка. Жидівка вона! Но вона пишетсья, шо вона українка (ударение на первое «а», – М.Е. и Л.Ф)! І хай її вб'ють сьогодні, вона все одно скаже, що вона – українка. То я тобі вот шо скажу (ударение на «а»), дитинко: если ты с сегодняшнего дня запишешься, что ты еврейка, ты уже была в детском доме среди украинских детей. Детей нету евреев при живых родителях в детских домах. Есть только круглые сироты. А уж кой твои родители, евреи, тобой не нуждались, а я знаю про тебя. Ты очень талантливая, тебе надо учиться, но ты не сможешь учиться, если ты запишешься еврейкой. Где ты родилась? В Ри-и-ге. То твой папа был? Ла-тыш. А мама – еврейка. Значит, мы сейчас запишем: ла-тыш-ка. И ты будешь жить спокойно. Ты будешь жить, ты будешь учиться. Ты должна забыть на ВСЮ твою жизнь, что папа твой был еврей. Но ты будешь всегда помнить ЧЕРНОВА, что он тебе сказал и помог. И чтоб ты знала: Чернов – не антисемит. Чернов в душе всегда еврей, потому что только евреи научили его, как жить, и евреи помогли ему стать начальником". По сей день старые евреи знают, что Чернов – это был хохол-антисемит. Это до сегодняшнего дня! И возможно, я одна из единиц, которые знают, что у него жена была еврейка. Поэтому всю свою жизнь я имела возможность работать, и я всегда работала так, как работают русские и украинские женщины. Я не боялась никакой работы. Вот.

Элла – прекрасная рассказчица, представляющая свои воспоминания как мини-пьесы, в которых легко различимы голоса действующих лиц. В цитируемом фрагменте она передает слова Чернова на украинском языке и копирует его интонации, в которых властные нотки перемежаются с отеческими. Трудно сказать, была ли заслуженной антисемитская репутация Чернова. Важно другое, а именно, глубокая убежденность и Чернова, и Эллы в благотельной роли совершенного им подлога. Советский чиновник, глава паспортного стола, призванный надзирать за соблюдением закона, продемонстрировал к нему полное пренебрежение, что не

было исключительным явлением (Шлапентох 1989: 203–216). Как правило, делалось это в личных целях, но в данном случае нарушение закона не несло Чернову ни малейшей выгоды и было продиктовано альтруистическим порывом (аналогичный пример см. Носенко 2004: 60). Рассказ Эллы высвечивает и стереотипическое восприятие евреев, как людей, неспособных бросить ребенка, но избегающих черной работы. Последнее утверждение лежит в основе восприятия евреев как опасной, коррумпированной и доминирующей в обществе группы (Левинсон 1950: 63) и, как многие стереотипы, стало частью самовосприятия евреев (подробнее стереотипы будут рассмотрены в третьей главе).

Михаил Н., 64 и Юлия Н., 63 (ИАФР 21740)

Интервьюер: То есть Вам здесь психологически лучше, чем было на Украине?

Михаил: Да, да, хотя я на шахте у себя за 39 лет не сказал бы, что я очень сталкивался с антисемитизмом. Спускаться в шахту, одевать робу и брать лампу, и спасатель – каждый берет. И каждый ходит под породой, которая может на тебя обрушиться в следующую секунду. Так что это уравнивается.

Юлия: У них евреи на шахте была такая редкость!

Михаил: На шахте было 4 еврея. Ну, к ним относились, как все.

Юлия: Ну, потому что они пахали все.

Михаил: Да, наверное. Честные, порядочные люди, нормальные.

Юлия: Профессор, который делал ему операцию (в Израиле), это самое, с почкой... И он говорит, когда мы поступали, он нас принимал, он говорит: «Почему ты такой скучный?» Так, не очень по-русски говорит. «Почему ты такой скучный? Ты же пришел за жизнью, за здоровьем! Почему ты такой скучный? Кем ты работал?» Он ему говорит, что, значит, на шахте работал. А он говорит: «Еврей-шахтер? Такого быть не может!»

Однако вернемся к манипуляциям с пятым параграфом. Российского читателя не удивит, что сокрытие еврейства было облегчено для детей отцов-неевреев, которых почти всегда выручали нееврейское отчество и фамилия. Серьезной проверке с последующими негативными последствиями подлежали, в основном, кандидаты на занятие престижных должностей в партийном и государственном аппарате, а также те, кто планировал поездку в капиталистические страны. Если отец был евреем, то отчество и фамилия делали ребенка уязвимым. Понятна поэтому тенденция перехода ребенка на фамилию матери, противоречившая принятым в обществе нормам и провоцировавшая насмешки со стороны евреев и неевреев.

Стремление потомков смешанных семей скрыть еврейство породило немало анекдотов, многие из которых акцентировали еврейскую внешность при русских отчестве и фамилии протагонистов. Сравним два примера. В первом, учитель заходит в класс и говорит: «Ребята, завтра мы принимаем арабскую делегацию. Рабинович, Хаймович и ты, Иванов по матери, можете не приходить». Второй пример представляет собой комическое выражение: «Иванов, еврей по маме». На первый взгляд эти примеры практически идентичны, но определяют разные ситуации. В анекдоте «Иванов по маме» – сын отца-еврея, а следовательно, не еврей по Галахе, что, однако, не спасает его от оскорблений. Во втором примере, отец героя – русский, а значит, фамилия принадлежит ему по праву. Парадокс состоит в том, что именно законный Иванов считается евреем по еврейскому законодательству. Оба определения нередко употреблялись евреями по отношению к «половинкам», сигнализируя об их принадлежности к евреям, несмотря на «этническую маргинальность».

По наблюдениям Воронеля и Тишкова, любая анкета включала графу о национальности, а значит, избежать ее заполнения было нельзя. В то время, как указание национальности никак не влияло на дальнейшую судьбу русских или украинцев, для евреев (как, добавим, в определенные периоды и для некоторых других наро-

дов, например, цыган, немцев, татар и др.) национальность становилась камнем преткновения (Александрова 2002; Безелянский 2000). В глазах властей еврей оказывался не индивидуумом, а членом определенной категории, независимо от его собственного желания (Воронель 1973: 30; Тишков 2001а: 41). Таким образом, еврейская самоидентификация навязывалась извне, не являясь результатом свободного выбора. Чтобы избавиться от этого «родимого пятна», препятствующего социальному продвижению, советские евреи русифицировали имена и отчества, брали литературные псевдонимы или, значительно реже, подкупали чиновников, способных изменить в паспортах пресловутый пятый пункт (Ременник 1998: 242).

Лицемерно называя себя «семьей братских народов»⁹, Советский Союз вскармливал ксенофобию и нетерпимость, широко развившуюся в языке. От СССР Россия унаследовала неразвитую культуру межэтнических отношений, трактующую жителей страны не как граждан, а как «биоидов», различающихся по крови и фенотипу (Рывкина 1996: 137).

Как уже отмечалось, советская реальность породила появление понятий «половинка» и «четвертинка» по отношению к этничности, а выражения типа «еврей по маме/по папе» употреблялись широко и отнюдь не всегда иронично. Приведем пример из интервью с Борисом Н., 59, заметившим: «Значит, жизнь пошла как? Дочь (*пауза*) поступила в университет, здесь опять-таки получилось так, что компания там своеобразная, это самое, ну, всякие там были: и узбеки, и евреи, и, это самое; потом она выходит замуж за (*пауза*) еврея. Ну, еврей по папе. Еврей по папе, значит». Во время интервью Борис, этнический русский, несколько раз подчеркивал, что всю жизнь дружил с евреями, считавшими его «одним из наших». Вместе с тем, он описывает окружение дочери с помощью выражений «компания своеобразная», «там всякие были», имеющих слегка пренебрежительный характер. Результатом такого общения стало замужество дочери, не вызвавшее энтузиазма у Бориса, поскольку увеличило шансы на то, что его дочь,

«еврейка по маме» захочет эмигрировать, что не входило в семейные планы.

Понятие «половинка», сформированное советской системой, активно функционирует и в эмигрантской общине, причем не только в Израиле. Одному из авторов пришлось как-то стать свидетелем любопытного диалога между двумя русскоязычными работницами супермаркета. Одна из них учила коллегу, как готовить узбекские блюда, в частности, шурпу, плов, манты и самсу. Вторая удивленно воскликнула:

«Откуда ты все это знаешь?

«Потому что я полумусульманка, у меня отец из Средней Азии».

(из этнографического дневника)

Несмотря на приобретенное в Израиле минимальное знание еврейских законов, информанты не в силах преодолеть представления об этничности, этнической самоидентификации, национальности и религии, сформированные в СССР, результатом чего становится смешение старых и новых понятий. В нашем корпусе подобные смешения встречаются многократно.

Леонид Б., 36: я-то белорус по паспорту.

Екатерина Р., 24: ... папин одноклассник, кстати, если так национальность брать, он был мусульманин.

Яков К., 80 обратился к сотрудникам, провожавшим его на пенсию, с рассказом о том, что никогда не скрывал в СССР свою национальность, а затем добавил: «Я никогда не был религиозным, я никогда не был сионистом, но я всегда был евреем!» (последний пример цитируется по этнографическому дневнику).

Студентка Хайфского университета подала преподавателю курсовую работу, посвященную изучению устных рассказов эмигрантов из бывшего СССР. На бланке, содержащем биографиче-

скую информацию о респондентах, она определила одну из рассказчиц как «полу-еврейку, полу-христианку».

Подобно тому, как понятие «половинка», изначально применяемое по отношению к евреям, получило расширительное употребление, распространившись на представителей других этносов и даже религий, другое клише советского периода стало постоянным элементом ксенофобного дискурса после распада СССР. В советской прессе слово «еврей» старались не употреблять, как если бы оно было уничижительным, а вместо него на вооружении пропаганды было устойчивое выражение «лица еврейской национальности». В своей коллекции советского новояза Сарнов трактует его как эвфемизм, воплощающий в себе советское лицемерие. Слово «еврей» заменялось в прессе в разные годы по-разному, например, «безродные космополиты», «сионисты» и «лица еврейской национальности», но все эти слова и словосочетания были фактически политическими ярлыками, определяющими «врагов народа». По мнению Сарнова и Лемон, они были фактически калькой с «жидовской морды» (Лемон 1998: 46–47; Сарнов 2002: 221–227). В 1990-е тот же «эвфемизм» начали применять ко всем жителям Кавказа без разбору. Чеченцы, осетины или черкесы – все стали «лицами кавказской национальности» или «лицами южных национальностей» (об эвфемизмах в современной русской речи см. Крысин 1996), что аналогично «азиатам, черным, чуркам», т.е. ярлыкам, применяемым к гражданам с неевропейской внешностью. Александра Л., 82 рассказала характерный анекдот, появившийся в период военных конфликтов на Кавказе и отражающий изменение вектора ксенофобии: «Объявление: меняю лицо кавказской национальности на жидовскую морду. С доплатой». «Доплата», видимо, обусловлена легкой возможностью эмиграции для евреев.

Мы собрали целую коллекцию использования клише-оригинала и его производных, опубликованных в научных, публицистических и газетных статьях в России и в Израиле. Так, например, анализируя разные волны российской эмиграции, лингвист Е.А. Земская пишет: «Третья волна в значительной степени состоит из дисси-

дентов, лиц еврейской национальности и представителей разнообразных творческих, интеллектуальных профессий, вынужденных уехать или высланных из СССР» (Земская 2001: 41). Данный пример интересен не только тем, что профессиональный и опытный лингвист не почувствовала ксенофобного характера клише, но и тем, что евреи оказались в одном ряду с диссидентами, а значит, противопоставлены советскому строю. Надеясь на особые привилегии москвичей, журналист «Аргументов и фактов» пишет о «лицах московской национальности», а в другой статье того же номера, посвященной исламскому терроризму, говорится о «лицах арабско-азиатской национальности» (Аргументы и факты» 2001: № 42). В современной России ксенофобным нападениям подвергаются прежде всего смуглые люди, причем речь идет не только об оскорблениях на бытовом уровне, но и о придирках со стороны властей. По наблюдению Алайны Лемон, именно «черные» и «южные» часто подвергаются унижительным проверкам документов и, в результате, высылаются из Москвы (Лемон 1998: 46).

Растет количество иронических парафраз клише-оригинала, призванных высмеять ксенофобию. Российский историк Дятлов, например, назвал одну из глав своей книги о современных торговых меньшинствах следующим образом: «Лица географической национальности»: выходцы с Кавказа в социально-экономической жизни Иркутска». Он также отметил, что термин «кавказец» расширительно включает в себя и выходцев из Средней Азии (Дятлов 2000: 91). В статье, посвященной сложностям, с которыми сталкиваются неевреи в Израиле, израильский журналист Виктория Мартынова пишет: «Лицам ошибочной национальности» в Израиле по-прежнему нельзя ни жениться, ни приглашать в гости родственников» (Мартынова 2002). Жемчужиной нашей коллекции по праву считается название статьи Юрия Барабаша «Лица басурманской национальности у Гоголя и Шевченко» (Барабаш 1999). Таким образом, современный культурный код применяется иногда к классическим текстам для интерпретации исторически удаленных явлений (Ходж и Кресс 1988: 162–163). Важно отметить, что чем силь-

нее выражено семантическое несоответствие между определенным и существительным «национальность», тем ирония ощутимее. Лаури Хонко показал, что импликации, аллюзии и эллипсы чрезвычайно важны для фольклористики, поскольку служат для адресата сигналом о перемене смысла, не вытекающего из одного лишь прямого значения слов, но определяемого по контексту (Хонко 1986: 41).

Мы уже приводили примеры использования аллюзий в анекдотах и рассказах информантов о самоидентификации. Они также воспроизводят стереотипы о евреях, являясь, как и всякие стереотипы, упрощенным описанием с тенденцией к преувеличению и выраженным идеологическим наполнением. Многие стереотипы далеки от социальной реальности, что не мешает их распространению (Эриксен 1995: 252–253). Еврейские авто-стереотипы в нашем корпусе полярны и либо идеализируют евреев, либо определяют их уничижительно.

Инна Ф., 26

Интервьюер: Инна, Вы говорите, что в России Вы себя считали еврейкой. А в чем это проявлялось? В Калуге.

Инна: В Калуге это было престижно.

Интервьюер: Престижно?!

Инна: Да, потому что у нас это были преподаватели вузов, главные инженеры на всех заводах, начальники торговых баз и так далее. То есть это было элитарное что-то. И познакомиться и встречаться с еврейским мальчиком – это было недостижимая зависть для других девочек. Это просто ну... Это были самые интересные мальчики, которые учатся в самых-самых лучших институтах.

Анастасия Н., 61

Анастасия: Единственное, что меня жутко огорчает... Мне всегда казалось, что евреи в массе своей умные. Умные и благоразумные. То есть Прометей, думающий вперед. Они все Эпиметей, все, по-моему, до единого. Ну, за редким исключением, как, в общем, и везде.

Анатолий П., 26

Там Александр Моисеевич был тоже, учитель физики. Это такой маленький еврейчик, вот, и я как-то там ответил на какой-то вопрос, как всегда, наполовину понимая, о чём идёт речь, вот. А он такой: «Ну что ж П., далеко пойдёшь, далеко, пешком до Италии (смеётся) или чего-то такое. Вообще, и вот он тоже был Александр Моисеевич, и вот он для меня так тоже ассоциировался с Израилем, что там маленькие все такие. Ну, действительно, именно такого типажа, т.е. маленький, с таким носом, с бакенбардами, лысый, как мой прадед. Только мой прадед был крупный такой, а он...

Юлия П., 58

Встретили нас без особых восторгов, но нормально, деловому. В конце декабря: солнечный, теплый Израиль встретил нас. Через три часа уже были в Хайфе. Поразила своей зеленью. Боялась, что скопление евреев – очень страшно. Представляла себе их орущими с крючковатыми носами. Оказалось – нет! Поразили автобусы комфортабельностью, магазины и люди своей приветливостью, спокойствием, отсутствием нервозности, которая была присуща москвичам.

Стереотипы, как положительные, так и отрицательные, часто переосмысливаются информантами после эмиграции. Говоря о евреях как городской элите, Инна невольно повторяет антисемитские обвинения в том, что евреи захватили власть и пользуются особыми привилегиями. И хотя она гордилась кровным родством с элитой, но в паспорте была записана русской. В Израиле она опять оказалась русской, но уже независимо от своего желания, и это время от времени создает ей определенные сложности. Так, например, она не смогла зарегистрировать в Израиле свой брак, что вынудило молодых заочно сочетаться браком в Парагвае¹⁰. В то время, как отношение Анастасии к евреям резко ухудшилось, антисемитские стереотипы Анатолия постепенно сошли на нет (см. главу четвертую). Анатолий подчеркивал отталкивающую внеш-

ность нелюбимого учителя, считая ее, как и Юлия, типичной для всех евреев. Оба были приятно удивлены, увидев разнообразие израильских фенотипов.

По мнению Адорно, представление о слабости евреев свойственны тем, кто в той или иной степени идентифицируется с ними (Адорно 1950: 639). Наши материалы, как и образы евреев в произведениях Жванецкого, подтверждают это наблюдение. В скетче Жванецкого «Учителю русского» евреи-ученики насмеются, как и Анатолий П., над еврейской внешностью и еврейским акцентом Бориса Ефимовича Друккера (Гензелева 2003: 2). Одним из печальных результатов антисемитской пропаганды стало принятие самими евреями многих антисемитских стереотипов, далеко не исчезнувших и в Израиле.

Симона К.. 23

О первых впечатлениях от Израиля.

Симона: Я помню, нас согнал какой-то гид в комнату. Может, не согнал, а ввел...

Интервьюер: Собрал.

Симона: Собрал, ну, это больше похоже на согнал. Знаете, как это ни называй, а это именно так. И сказал, что, вот, вы знаете, ребята, евреи – это хорошо, когда их мало. Они, вот, как навоз. Они удобряют почву, когда их мало, но когда их много, они просто сжигают под собой¹¹. Это я очень ярко помню. При этом я помню, что он был в каких-то жутких сандалиях, в шортах, и я на него смотрела с такой дикостью вообще (смеется), что это такое.

Этот анекдот повторяет мотив из интервью Юлии П., встречается он и в нашем этнографическом дневнике. В СССР Симона стыдилась своей еврейской фамилии, выделявшей ее из среды одноклассников. Но даже ее шокировал первый анекдот, услышанный ею в Израиле от официального лица. Отметим, что, хотя она и не помнит ни имени, ни точной должности рассказчика, ее память цепко сохранила его облик «в каких-то жутких сандалиях

и шортах». Подобно тому, как крючковатый нос был неотъемлемой частью стереотипического еврея в бывшем СССР, сандалии и шорты неотделимы от образа израильтянина в иммигрантских рассказах (см. главу третью).

Возвращаясь к самовосприятию советских евреев, отметим, что было бы преувеличением свести их восприятие еврейства исключительно к штампу в паспорте. Многие рассказывают об элементах еврейской традиции, сохранявшихся в семьях вопреки всем препятствиям. Вместе с тем, значение и смысл традиций претерпевали изменения, нередко затуманиваясь даже для тех, кто пытался их соблюдать.

Аркадий Т., 57 и Юлия Т., 50

Интервьюер: У вас в семье был какой-то интерес к еврейским корням?

Аркадий: Да, да. У нас... Нас, может быть, заставляли быть таковыми, потому что, начиная с паспорта, – пятая графа, – и били зачастую даже не по паспорту, а по морде.

Юлия: Нет, Аркаша, вопрос был, что были ли у тебя в семье какие-то еврейские традиции.

Аркадий: Еврейские традиции, как я думаю, во многих интеллигентных семьях. Мы все же старались соблюдать, скажем, такие праздники, как *Пейсах*¹². Доставали мацу, старались делать стол. Воспоминания эти и представления, конечно, мы имели. С чем это связано, Пейсах. И то же самое связано по осени – *Рош-а-шана*¹³. Ну и, конечно, такие, как *Пурим* и *Ханука*¹⁴. Конечно, эти праздники мы знали. И нам было даже интересно как-то выделиться, особенно в компаниях, вот так. Мы так радовались, будучи студентами, потому что все равно мы варились в каких-то определенных еврейских компаниях. И тот, кто что-то знал, как-то даже бравировал друг перед другом о знании, скажем, еврейских традиций и еврейской жизни.

Аркадий не случайно не понял заданного вопроса, поскольку для него еврейство – это, прежде всего национальность, пресло-

вутая пятая графа, а не культура или образ жизни. Как известно, пятая графа была во всех советских паспортах, но только по отношению к евреям она употреблялась как метафора в выражениях типа: «у него пятая графа», «его не взяли на работу из-за пятой графы», «инвалид пятой группы». Определяя неевреев в Израиле как «лиц ошибочной национальности», Мартынова в цитированной выше статье фактически использовала смягченный вариант выражения «инвалиды пятой графы», показав зеркальное повторение знакомых проблем, но уже в другой стране и для другой категории граждан. Анекдот, упомянутый Аркадием и повторяемый в ряде других интервью, однозначно показывает постоянную готовность евреев, включая «половинок», к антисемитским нападениям:

«Иванов, не ходи на улицу Ленина».

«Почему?»

«Там бьют евреев».

«Ну и что? Я же русский по паспорту» .

«Ты не понял. Там бьют не по паспорту, а по морде».

Заметим, что парафраза этого анекдота в русскоязычной израильской прессе поставила под сомнение правомерность гиюра, непонятного людям, самоидентификация которых от религии не зависит: «Ведь бьют-то, как справедливо сказано, по морде, а не по паспорту (и уж тем более не по свидетельству об окончании с отличием курсов для последующего прохождения гиюра)» (Гопман 2004: 19). Когда жена Аркадия уточнила вопрос интервьюера о еврейских традициях, Аркадий не стал рассказывать о воспоминаниях детства, предпочитая перейти к обобщениям. Из перечисления праздников не ясно, знал ли он о них что-либо, кроме названия, исключая, конечно, Песах, знакомый даже ассимилированным евреям. Многие информанты вспоминают о Пейсах, и, прежде всего, о том, как добывали или даже сами пекли маццу. Ответ Аркадия – это пример нелюбви русскоговорящих к использованию единичных фактов и точной информации (см. Николаева 2000: 124–128).

Заслуживает внимания и другой мотив, упомянутый в данном отрывке, а именно, связь между соблюдением традиций и социальной группой. Говоря об интеллигенции как хранителе традиций, Аркадий придает традиционности определенную элитарность. Приходится признать, однако, что наблюдение о традиционности интеллигенции не подтверждается нашим материалом.

Расколота мозаика: фрагменты еврейской традиции

Как мы уже отмечали, информанты, как правило, признаются в невежестве, когда речь заходит о еврейской культуре. И все же нельзя согласиться с утверждением Лэшема и Лисака о том, что «для большей части евреев из бывшего Советского Союза еврейская самоидентификация была чисто техническим явлением, выраженном в их паспортах, или дающим право иммигрировать в Израиль согласно Закону о Возвращении» (Лэшем и Лисак 1999: 139). Проблема состоит в том, что понятие самоидентификации и принадлежности к народу разными группами (религиозными, светскими и пр.) понимается по-разному. Для советских евреев, по верному замечанию Фельдмана, «народ – это не конфессиональная общность», от которой человек властен по своей воле отказаться, но, прежде всего, органичное чувство кровного родства и общей судьбы, в том числе воспоминания о жертвах, гонениях и дискриминации (Фельдман 2003: 112–113). Коллективная память передавалась фольклором: в песнях на идиш, параболлах, анекдотах и, более всего, в личных рассказах о фашистских зверствах, о «безродных космополитах», о «деле врачей» и т.д. Делились советские евреи и рассказами о «завальных» экзаменах в вузы, о мытарствах в поисках работы и сложностях в продвижении, о жизни уехавших за границу родственников и друзей и о многом другом. Всякий раз, когда в газетах публиковались списки лауреатов премий в области науки и искусства или спортивных призеров, многие с надеждой искали еврейские фамилии и радовались, если

их было много. Успех соплеменников сопровождался гордостью за «наших». Как правило, слушателями этих историй были или евреи, или те, в чьей дружбе не сомневались. Способность делиться воспоминаниями, вместе негодовать, страдать и смеяться была отличительной особенностью группы.

Как было отмечено в первой главе, вопрос о традициях был одним из стандартных при проведении интервью. Оказалось, что для некоторых информантов традиции связываются только с советскими праздниками и ритуалами.

Юлия Н., 63

Вы знаете, я была плохой еврейкой. Я жила в такой семье, отец у меня был коммунист. Тогда еще, до войны. Вот. И потом, когда я вышла замуж, отец моего мужа был парторг шахты. И была такая семья, понимаете? (...) Поэтому, конечно, иудаизма мы не знали, мы были лишены всех традиций, всех, вот, именно, вот этого еврейского образа жизни. К слову сказать, например, о том, что есть *Пейсах*, я знала. Просто от каких-то людей и все. Но о том, что есть *Рош-а-шана*, я узнала только в Израиле, к стыду своему.

Нубар Асланян, 58

Интервьюер: А у вас дома какие-то элементы, какие-то праздники, что-то такое было или Вы ничего не слышали?

Нубар: Знаете что, я врать не буду, мы там все почти были хорошими или полухорошими армянами. Есть пословица такая в Армении, говорят: «Если собаку ставишь около собаки, она научится или кусаться или гав-гав».

Трудно предположить, что Юлия и в СССР стыдилась незнания еврейских традиций, ответственность за которое она сегодня возлагает на партийных отца и свекра. Заметим, что в отличие от нее, определяющей себя как «плохую еврейку», Нубар склонен считать армянских евреев «хорошими или полухорошими армянами», но оба имеют в виду одно и то же – невключенность в еврейскую жизнь. Любопытно, что для американских евреев понятие «хоро-

ший еврей» определяется исключительно в моральных категориях (Хейльман 1998: 80). В предэмиграционные годы Нубар стал активистом общества армяно-израильской дружбы. По его словам, подобные общества в начале 1990-х росли в Армении, как грибы:

Нубар Асланян, 58

Пошла мода. Это не только еврейско-армянское, это был и армянское-греческое... Кстати, меня хотели пригласить туда тоже, я же в Греции родился. (...) Вот, значит, там начали организовать общества, разные. Армянско-еврейское, армянско-русское (наложение голосов). (...) Что мы делали? Я сейчас вам скажу, что мы делали (наложение голосов). Алла-джан дай мне рассказывать, пожалуйста, потому что это очень интересный момент. Мы хотели делать, но мы же ничего не знали, что такое Израиль. И потому мы взяли энциклопедию. Открыли страницу Израиль. А вы знаете, там сколько.

Нубар откровенен и не пытается приукрасить свою биографию в соответствии с изменившимися приоритетами. Вместе с тем, он, иронически рассказывавший о собственном невежестве, едва приехав в Израиль, на скудные средства эмигранта купил и отправил в Ереван книги о еврейской традиции на русском языке, чтобы помочь своим друзьям из общества армяно-израильской дружбы. Оправдывая симбиоз евреев с армянской культурой, он апеллирует к народной мудрости, а чуть дальше, в нецитируемом фрагменте, называет своего земляка, ныне израильского политического деятеля, «еврейским сыном армянского народа».

Эмиграция в Израиль вызвала к жизни и другой тип рассказов. Новые впечатления и информация, приобретенная в Израиле, вдруг по-иному высветила «странные» элементы в поведении бабушек и дедушек, элементы, неожиданно получившие логичное объяснение.

Лаура М., 55

Интервьюер: Лаура, скажите, у вас вообще в семье поддерживались как-то еврейские традиции?

Лаура: Ну, не очень. Мама сама себе делала праздники. Она запекала мацу¹⁵. И она, у неё была (неразборчиво) подружка. Если она забывала когда какой праздник...

Интервьюер: То та напоминала.

Лаура: Да. Дело в том, что мы жили в детстве в Николаеве. Я жила, вот, с родителями. И синагога была закрыта. Но я помню, как мы однажды были в синагоге. Я была совсем маленькая. И помню, что ждали звезду, и что мама была голодная, ей нельзя было кушать, а детям можно было. Мы бегали, ели булку. И я думала: «Ой, бедная мама, нам можно было, а ей нельзя!»¹⁶. Все. Это всё, что я помню. А потом было... Не было синагоги в Николаеве. Так вот они сами там: карабинёрша, там, инженерша еще какая-то, все назывались подружки. И они, что-то они... Во всяком случае, вели учёт праздникам. И мама делала мацу, и она, значит, и *Симхат Тойрас*¹⁷, и *Рош-а-шана*, и что еще? В общем, мама этим занималась.

В Израиле иммигранты нередко сетуют на то, что в дни еврейских праздников им не хватает той атмосферы приподнятости, которая сопровождала некоторые советские праздники, и прежде всего, Новый год, Международный женский день и День Победы. Они скучают без привычных ритуалов (без украшенных елок на улицах и площадях в конце декабря, без запаха мимозы 8 марта и без военного парада 9 мая). Что же касается еврейских праздников, то в СССР, как известно, их празднование старались скрывать. Некоторые информанты с удивлением констатируют тот факт, что их родственники все-таки умудрялись узнавать даты и как-то отмечать их. Гительман справедливо отметил, что «производство ритуальных предметов строжайше ограничивалось, а мацца являлась маргинальным исключением» (Гительман 1992: 77). Видимо, именно факт относительно либерального отношения властей к мацце, обусловил широкое знакомство с ней информантов, для которых мацца – главный, а иногда и единственный зна-

комый им элемент еврейской традиции (воспоминания о мацце потомков смешанных семей см. также Носенко 2004: 148–151). Вместе с тем, как видно из рассказа Лауры, даже маццу достать могли не везде.

Сложности с приобретением маццы нередко обрастали фольклорными интерпретациями. Наша информантка, Анастасия Ф., 43, прожившая в Киеве до 33 лет, но никогда не бывавшая в киевской синагоге, вспоминает слухи о том, что маццу могли получить только ветераны Великой Отечественной войны. Она вспоминает также, что, часто бывая в Риге, покупала там до 10 кг маццы, причем не только для себя, но и для родственников, в том числе для живущего в Риге кузена. Кузен, преподаватель местного университета, боявшийся «засветиться» в синагоге, ждал Анастасию в садике поблизости, чтобы помочь донести тяжелую ношу.

Заметим, что и Лаура, в процитированном выше отрывке, и некоторые другие информанты не употребляют слово «пост», имеющее сугубо религиозные коннотации, предпочитая нейтральные «была голодная», «нельзя было кушать», «не пила ни глотка воды». Кроме того, Лаура, как и другие информанты, смешивает ивритские слова и слова на идиш, когда речь идет об еврейской традиции.

Симона К., 23

Интервьюер: А о каких-то праздниках у вас были представления, или ничего?

Симона: Ничего абсолютно, ни идиш, идиш я не знаю.

Интервьюер: Мацу не ели?

Симона: Маца была, я знала, что есть маца, но я ее не люблю по сей день.

Интервьюер: Но видели как бы?

Симона: Знали, да, да, знала, что такое маца, но не знала, что ее надо кушать на Песах, для меня это было какое-то вот, еврейское, маца, *гефилте-фиш* – фаршированная рыба. Я не знала, что такое *гефилте-фиш*, я знала «фаршированная рыба». Готовила это моя бабушка. Я знала, что это еврейское блюдо. Или там, *форшмак*, это я здесь, во-

обще, узнала, что это еврейское блюдо (*смеется*). Потому, что я ела всегда, мама готовила, то есть мы, вот, одни из тех ассимилировавших, которые, в общем, смутно себе представляли. То есть, вот сейчас отец мне говорит, что они там, в Луганске, держались евреи друг за друга. Я этого не могу вспомнить, я этого не наблюдала, друзья у меня были все русские, в большинстве своем. У родителей тоже были друзья русские, и никаких еврейских праздников не соблюдали. Хотя бабушка моя, мне рассказывали, знала, что такое *Йом-Киппур*, и в нее невозможно было ни глотка воды...

Интервьюер: Влить.

Симона: В этот день, да. Для меня это, я здесь узнала об этом, это была дикость, не знаю.

Говоря о еврейской кухне, наши информанты часто называют те или иные блюда, распространенные среди ашкеназов, но далеко не всегда упоминают о кошерности. Нередко блюда, традиционно приуроченные к конкретным праздникам, воспринимаются (или воспринимались до эмиграции) как независимые от них. Маццу, например, часто ели долгое время после окончания праздника, пока не закончатся запасы. Только после эмиграции Вероника Р. неожиданно для себя самой связала печенье, которое регулярно в течение года пекла ее мать, с праздником Пурим. Печенье не было треугольным, как это положено в Пурим, но называлось *шойлах мунес*, что на идише означает «набор для подарка». И это не случайно. На Пурим родственники, друзья и знакомые дарят друг другу подарки – *мишлоах манот* (на иврите). Ритуал в семье Вероники был забыт, печенье для подарка не предназначалось, но название сохранилось. Второе открытие ожидало Веронику, когда ей, профессиональному переводчику, пришлось переводить текст о правилах кашрута. Она, наконец, поняла, почему у них в умывальнике всегда стояла кастрюля с водой, в которой до белого цвета вымачивалась курица. Бабушка кошеровала ее, не объясняя ничего домочадцам (из этнографического дневника).

Дана: У нас в семье все евреи, почти там, то есть мои родители оба евреи с корнями. Это все очень. То есть я всегда с детства знала, что я – еврейка.

Интервьюер: Вы что-то праздновали, какие-то праздники? У вас были какие-то традиции. Вы же с корнями, поэтому я спрашиваю.

Дана: Вы знаете, нет. Но вот моя мама, интуитивно она разделяла... тут мы стали соблюдать, мы зажигаем свечи.

Интервьюер: В субботу, да?

Дана: Да. И мы стараемся там на *Йом-Киппур*. Мы стараемся. Я, например, пощусь с самого приезда. Там, моя мама – больной человек, так она не всегда может, но старается, сколько может. Мы соблюдаем, что можем.

Интервьюер: В субботу Вы не ездите?

Дана: У нас нет машины, поэтому мы не ездим. Просто. Но я занимаюсь делами. Если у меня есть дела, так я ими занимаюсь. Учеба. Но в России, скажем, моя мама интуитивно разделяла мясное и молочное. Просто ей казалось, что это негигиенично и неприятно. И она разделяла посуду, совершенно ничего не зная. И (*пауза*) мы ели мацу. У нас был такой интересный случай. Наш знакомый, русский, пригласил моих родителей в гости, там, посмотреть кассету. У него был видеомagneтофон. Это считалось чем-то. И он не знал, что такое маца: он – русский. Он подумал, что это такое галетное печенье. Он выложил угощение: мацу с салом. Это очень вкусно.

Отвечая на заданный вопрос, Дана переосмысливает семейные традиции. По лотмановской терминологии модели внутренней коммуникации (см. главу первую), она «перекодировала» прошлое в свете сведений о еврейской традиции, полученных уже в Израиле, а после некоторого колебания, признала, что семья фактически соблюдает лишь те традиции, которые вписываются в сложившийся образ жизни, не слишком нарушая его. Особого внимания заслуживает рассказ Даны об интуитивном разделении молочного и мясного ее матерью, получивший неожиданное продолжение че-

рез два года после интервью, когда Дана была в гостях у интервьюера.

Интервьюер: Чем же я могу угостить Вас? Пожалуй, творогом со сметаной, потому что другой кошерной еды у меня нет.

Дана: Разве Вы соблюдаете *кашрут*?

Интервьюер: Я-то нет, но мне казалось, что Вы – да.

Дана: Ну, когда я сказала, что мама разделяла молочное и мясное, я имела в виду, что она разделяла еду на тарелках, а не в желудке (из этнографического дневника).

Смешения подобного рода нередки и в других интервью, а также в наших наблюдениях, зафиксированных в этнографическом дневнике. Так, например, Екатерина Р. вспоминает, что ее бабушка никогда не ставила на стол мясные и молочные блюда одновременно, что не мешало ей готовить свиные отбивные (из этнографического дневника). Наша информантка, Эльвира А., горская еврейка из семьи, соблюдающей еврейскую традицию, выросла в доме, где кошерной кухней ведала бабушка, покупавшая мясо в специальном магазине при синагоге. Вместе с тем, для детей она нередко готовила свинину, которую считала необходимой для растущего организма. Характерно, что в этих случаях детей кормили за отдельным столом, отделяя запретную еду от кошерной.

Не единичен и эпизод о мацце с салом, упомянутый Даной, что стало ясно из интервью с Сергеем С., 42, электриком, эмигрировавшим из Одессы в 1990 г. и ныне живущим в пригороде Хайфы (подробнее о нем см. Фиалкова 1997, 1998).

Сергей С., 42

Моя мать иногда из синагоги приносила мацу. Она, как правило, не съедалась целиком, так как семья у нас нерелигиозная, и я эту мацу брал в походы. В походе она очень удобная, она легкая, достаточно компактно упакованная, и великолепно заменяет хлеб. Вот, для тех, кто не знал, что такое маца, вот, я в виде шутки, но на полном серьезе, то

есть с серьезной миной рассказывал, что это специальные десантные галеты, вот. И этот рассказ вполне, так сказать, проходил как чистая монета. Это кощунственно несколько, но тонко нарезанное сало, уложенное свиное сало, естественно, уложенное между двумя пластинками мацы и хорошо посоленное, – очень хороший перекус.

Рассказывая о мацце с салом, и Дана, и Сергей явно наслаждались воспоминаниями, хотя Сергей и определил свое поведение как кощунственное. Разыгрывая друзей-неевреев, они, во-первых, оказывались хранителями тайного знания, дававшего им чувство превосходства над непосвященными. Во-вторых, не боясь последствий кощунственного поведения, оба испытывали удовольствие от вкушения «запретного плода». И, наконец, в-третьих, Сергей завиральщинами приобщал приятелей к еврейской еде, что его всячески развлекало.

Поскольку Песах и православная Пасха близки по датам, некоторые эмигранты вспоминают о том, как ели ритуальные блюда обоих праздников во время торжественных обедов: мацца, крашеные яйца, куличи и сырная пасха в этих случаях мирно соседствовали друг с другом на праздничном столе. В смешанных семьях приготовление еврейских блюд женой-нееврейкой было знаком ее уважения к мужу-еврею и его родственникам, особенно, если готовилось такое трудоемкое блюдо, как фаршированная рыба. Одна информантка рассказала о перемене ролей, когда хранителем еврейских традиций выступил ее отец-украинец.

София Е., 48

Семья у нас была (пауза) международная. Мама – еврейка, а папа – украинец. Вырос он в небольшом городке и с детства любил театр. И в городе у них был только один театр – еврейский. И представления там давали на идише. Он всё время бегал туда ребёнком и выучил язык. Во всяком случае, настолько, чтобы немного общаться. Затем, став взрослым, он женился на маме. Надо сказать, что после этого он порвал почти со всеми членами своей семьи,

потому что они были антисемитами. Для них было большим шоком, что он мог жениться на еврейке. Э-э. И жили мы в Ленинграде, и семья моей мамы, хотя бабушка и дедушка были оба с Украины и даже прадед, по-моему, был раввином, но никаких традиций уже не сохранилось. Ни мама, ни моя тётя идиша не знали и очень равнодушно относились ко всем еврейским праздникам. Единственный человек в нашей семье, который говорил на идише, был мой папа. Каждый год

он узнавал, когда Пейсах будет, ехал в синагогу, покупал мацу, приезжал домой и говорил: « Эх вы, евреи! Если бы не я, даже и мацы бы не попробовали».

В данной главе мы уже упомянули, что одним из убеждений, широко распространенных среди советских евреев, было представление об украинцах как антисемитах. Рассуждения об этом можно нередко услышать в разговорах, проникают они и в русскоязычную израильскую прессу. Так, например, Вершинин противопоставляет поверхностный русский антисемитизм украинскому: «Не то украинец. Он жил с “жидом” бок о бок на территории Речи Посполитой, жил рядом, вплотную, не один век и ненавидел его лютой ненавистью» (Вершинин 2003: 32). В нашем материале есть несколько рассказов, в которых информанты, напротив, тепло вспоминают украинцев, друзей и соседей, с которыми их связывали добрые отношения.

Ева Ф., 40

Единственное, что я знала, но это знали все и было у всех, это на Пейсах маца у нас была всегда дома, причем маца была круглый год. Мы закупали всегда очень много – в буфете внизу лежало. Бабушка мне жарила с яичком, бабушка давала мне к бульончику, такой (*пауза*) бульончик с *мацелах*, но у нас и наши, так сказать, православные соседи благополучно э-э тоже раздобывали мацу просто как просто вкусные коржики, т.е. в Одессе маца не была каким-то вот. Мы знали, что единственно на Пейсах, когда ее кушали, э-э но она не была чем-то, но вот только для Пейсах. Она была просто вот дополнением – сухарики. Как были сухарики к бульону, так была маца к бульону. Без э-э особой нагруженности идеологической, хотя моя бабушка действительно. Вот сейчас уже, приехав в Израиль, и уже пытаюсь так вот эти детские воспоминания связать с тем, что я здесь видела, вижу и читаю, у меня каждый раз всплывает что-то в памяти, где-то в закромах лежит. Э-э то, что бабушка когда-то все-таки все это соблюдала, потому что она ставила киро-

синовую лампу. Почему керосиновую лампу? Советская свечка э-э 24 часа не горела, а ей надо было поставить несколько раз в год. Она ставила. У нас висела специально в туалете керосиновая лампа, причем э-э для меня было удивительно: я, т.е. когда уже начала что-то соображать, я жила у бабушки, дедушки и прабабушки. Они жили вот в той квартире, которая потом мне осталась на Дерибасовской. Э-э меня всегда поражало, уже, когда я начала соображать что-то, почему, когда в доме гаснет свет, э-э электрическое какое-то замыкание или во всем районе гаснет свет, бабушка не зажигает керосиновую лампу – это ж намного удобнее, чем искать свечку и прочее. Вот сейчас я уже понимаю, что для них керосиновая лампа была святой свеч... ну, вот этой святой свечой.

Интервьюер: *Шаббатной?*

Ева: Не *шаббатной* именно, а именно свечой памяти. Она ее ставила на Йом-Киппур, т.е. она не кушала и зажигала свечу (Ева имеет в виду заменявшую свечу керосиновую лампу). Она ее ставила э-э еще два раза в год на (*пауза*) дни гибели своих детей (во время Великой Отечественной войны, – М.Е. и Л.Ф.).

Помимо воспоминаний о маце, повторяющихся из интервью в интервью, в рассказе Евы интересна история с керосиновой лампой. Предмет быта, знакомый сегодня разве что жителям отдаленных деревень, лампа эта была возведена бабушкой Евы в ранг ритуальной свечи. Заметим, что бабушка, строго соблюдавшая Йом-Киппур (Судный день) и поминальные дни, не стремилась приобщить детей и внуков к еврейской традиции, что не было редкостью среди советских евреев. Смертельно испуганные сталинскими репрессиями, многие старики держали знания при себе, не желая обременять ими молодежь. Вместе с тем, как верно заметил Паркес, «верования скрыть можно, но нельзя замаскировать действия» (Паркес 1963: 148).

Инна Ф., 26

В нашей семье, в которой папа, мама, я и брат, у нас праздновались и Пасха и Пейсах, т.е. Пейсах мы праздновали у бабушки. Мы никогда сами не делали никаких еврейских праздников. В Йом-Киппур я никогда не ходила в школу. Не знаю, как бабушка знала, когда Йом-Киппур, потому что у нас после войны синагоги уже не было, после Великой Отечественной войны. Сейчас там находится культпросветучилище, в здании. Как смешно, вот! То есть все это было связано с домом бабушки и дедушки, а все остальные, русские, включая христианские, праздники, мы праздновали дома.

Российского читателя старшего поколения не удивит, что в синагогальном здании разместили культпросветучилище. Инна воспринимает это как комический абсурд, а пожилые люди в подобном факте могли усмотреть и прямое оскорбление, что, однако, не отразилось в нашем материале. Как мы уже говорили в первой главе, большинство информантов – люди ассимилированные и образованные. Отметим, что общее образование отнюдь не гарантировало проявления интереса к культуре предков, что подтверждается результатами некоторых социологического исследования. По данным Рывкиной, существует обратно-пропорциональная зависимость между уровнем образования и включенностью в еврейскую культурную жизнь: чем этот уровень выше, тем слабее интерес к еврейской жизни (Рывкина 1996: 54)¹⁸.

Анастасия Ф., 43

Эту историю у нас в семье рассказывали всегда, как анекдотическую. Мой дед-профессор, человек очень образованный, который мог ночь напролет читать стихи Есенина, Пастернака, Пушкина, Лермонтова, но, в общем, совершенно не сведущий в еврейской культуре, как-то лечил кого-то из киевской синагоги, то ли старосту, то ли не знаю кого. И тот в качестве благодарности пригласил деда в синагогу на какой-то праздник, усадил на почетное место и вручил в руки молитвенник. И дед там некоторое время сидел. И вдруг он заметил, что сидящий рядом старичок-еврей все время

искоса поглядывает на него. А потом, осмелев, вдруг обратился: «Герр профессор, извините, пожалуйста, не могли бы Вы мне дать свой молитвенник? Все равно Вы его держите вверх ногами» (смех).

Как видим, для большинства информантов еврейские традиции – это часть жизни их бабушек, дедушек, в лучшем случае, родителей, но не их самих. Лишь один информант-ашкеназ удовлетворенно сказал, что представители старшего поколения их семьи хотели и смогли передать молодежи интерес к еврейским традициям. Члены этой семьи, имеющие высшее образование и хорошо интегрированные в русскую культуру, видели свое еврейство не только и не столько в паспортных данных, но, прежде всего в образе жизни (см. седьмую главу).

Шимон К., 18

Шимон: В семье соблюдались традиции, особенно у нас дедушка соблюдал, все, что он мог в тех условиях. Но вообще все старались соблюдать то, что могли. И дедушка довольно много знал. Но так, чтобы... Я был еще маленький (неразборчиво).

Интервьюер: Но Вам рассказывали дома?

Шимон: Да.

Интервьюер: Праздники какие справляли?

Шимон: Все еврейские праздники, в общем-то. Но, конечно, главное событие года был *Песах*, это был пасхальный седер, у нас справляли всегда. Был, конечно, *Йом-Киппур*, вообще все справляли. И каждый *шаббат* справляли. Вот что у нас не особенно справляли, не справляли часть постов. Это есть и здесь, я думаю. Многие люди, которые некоторые посты, к ним относятся менее серьезно. Но, в принципе, тоже как бы постились, но это не считалось важным.

Интервьюер: А вот Вы помните вот эти годы, когда Вы были ребенком, на все эти праздники – на седер, скажем, на *Рош-ха-Шана*, собиралась только семья или приходили друзья, знакомые?

Шимон: Друзья, знакомые – это было опасно вообще-то в те времена. Так что у нас практически такого не было, это было все в кругу узкой семьи. Собиралась наша семья, собирался дедушка и вся семья с его стороны. Там был брат моей мамы, с семьей приходили. Кроме этого, не приходили люди. (...) Кстати, вот, про *Песах*. Так у нас, у нас *Пасхальный седе́р*¹⁹ обычно длился часов до пяти утра, потому что у нас была эта *Агада*²⁰ на иврите, которую никто из нас не понимал, и...

Интервьюер: Но читать могли?

Шимон: Читать мог дедушка. Но бабушка сидела и переводила нам всю *Агаду* на русский. Вот, чтоб мы знали все это. Потому что дедушка знал, что у нас писали даже на идише, они писали в «Советише хеймланд»²¹ и они писателями были в свободное от работы время. И поэтому они-то знали, особенно дедушка. И поэтому они нам переводили все это так, чтобы мы про это знали. Вот. А как семья сохранила традицию? С нами, это было наше великое счастье, до восьмидесят шестого года жила бабушка, мама моего дедушки. И она еще училась в школе до революции, она все это знала. Она еще родилась (ударение на «и» – родилась) в девятнадцатом веке, в тысяча восемьсот восьмидесят девятом году. Вот. И она это знала. Семья дедушки, они были просто религиозная семья, его родители, и они просто сохранили, и дедушку в этом духе воспитали. Семью моей бабушки уже воспитали в более светском духе. (...) Но после того, как они поженились, так она понемногу тоже стала привлекаться, потому что более стала соблюдать. Но это, вот, через дедушку пошло, и он так воспитал своих детей. Его сын стал менее религиозным, а вот, мама это тоже сохранила. И мой папа очень этим интересовался в своем юношеском возрасте, иудаизмом и всяким этим. Поэтому он тоже стал соблюдать после того, как они поженились, то есть это как-то пошло (ударение на последнем слове пошло).

Интервьюер: Но от властей им не пришлось пострадать?

Шимон: В некоторой степени пришлось. То есть их выгнали с работ.

Интервьюер: Было и такое?

Шимон: Дедушку выгнали с партии.

Интервьюер: А не знаете, в каком году это было?

Шимон: Когда выгнали из партии, не знаю. Знаю, что в восемьдесят шестом году было покушение на его жизнь. То есть какой-то человек его на улице ударил кастетом по лицу, и его там отказались лечить. Конечно, отказались принять жалобу, вот. Его предупредили, то есть он не прекратил. (...) Вот, я еще знаю, что бабушке «зарубили» диссертацию, хотя у нее была публикация в «Докладах Академии наук».

Несмотря на то, что Шимон вырос в религиозной семье, он, тогда восьмилетний ребенок, резко возражал против эмиграции, не желая покидать Родину, любовь к которой прививалась с детского сада. Заметим, что его родители, несомненно, интересовались иудаизмом, все же не знали иврита, полностью завися от старшего поколения в вопросах толкования, да и простого понимания религиозных текстов. В отличие от других информантов, лишь боявшихся физического насилия со стороны антисемитов, дед Шимона стал его жертвой. Шимон уверен, что нападение было санкционировано властями с целью запугать людей, пропагандирующих иудаизм. Вместе с тем, речь могла идти и об обычном уголовном преступлении, расследовать которое в милиции не захотели, чтобы не портить статистику.

В отличие от Шимона, рассказ которого относится к недавнему прошлому, Юлия Х., 53 вспомнила о гонениях периода коллективизации.

Юлия Х., 53

Вот эти, в годы коллективизации нужно было работать в колхозах. Заставляли. А человек, который вообще никогда не был... Он учитель, дед – учитель. Он пошел, чтоб не сказали, что раввин (ударение на первом слоге) такой-то не работает. Вступил в кол-

хоз. А до того, еще до колхоза у него отобрали, отобрали все его плантации, отобрали сады, все богатство. Он пошел работать. В *шаббат* (в субботу) он, его заставили работать. Он просил: «Я буду работать в любой день, только в *шаббат* давайте...». «Нет, как это так? Выходной для всех – воскресенье. В *шаббат* должны работать все». Так он снял обувь, дед. Держал в руках обувь, шел босиком и просил у Бога прощения. Шел на работу. Вот так верится! Он плакал, говорит, слезы шли у него: «Прости меня! Я иду работать в такой святой день. Только не по своей воле, меня заставляют. От меня не зависит». И он босиком на работу и с работы. (...)

Интервьюер: И так дома об этом рассказывали?

Юлия: Да. Бабушка всегда рассказывала, что он босиком шел в *шаббат* и просил прощения у Бога, что не по своей воле. И мама всегда вспоминала.

Даже в тех случаях, когда соблюдение традиций не приводило к открытому столкновению с властями, оно, при полном отсутствии общественной поддержки, требовало значительных усилий и самодисциплины.

Юлия Ш., 51

Юлия: (Тетя Люба) была единственный верующий человек, которого я видела, которая соблюдала традиции. Моя мама, когда приехала из эвакуации, (неразборчиво) была, так она... У мамы был набор, который она выиграла, серебряный. Так два ножа она отдала тётё Любе, потому что у неё должен был нож быть...

Интервьюер: Молочный?

Юлия: Милхеке и для мяса. А себе она оставила один. Она всем раздала, а тётё Любе – два, потому что она... Так вот, тетя Люба, она читала Библию. У нее была, она читала. Она соблюдала при том при всем, при этих тяжелейших условиях, я только не знаю, как можно. Когда я тут вижу наших хлопцев, он верующий, он уже в кипе, он уже все соблюдает. Я его спрашиваю:

– Ты что, был верующий в Союзе?

– Да.

Я говорю:

– Неправда! Ты не мог соблюдать.

Я видела, сколько усилий стоило тете Любе это все соблюдать. Это было очень сложно. Так она всегда говорила... У нас была баптистка одна, которая всех приглашала в модельный дом и говорила о том, что они, вот, евреев очень уважают. «Да (говорила тетя Люба. – уточнение информантки), я не признаю те религии, которые придумали люди. Только еврейскую религию придумал Бог, а все остальные религии придумали люди». Вот так тетя Люба говорила.

Интервьюер: И она соблюдала? Ей удавалось соблюдать?

Юлия: Ей удавалось соблюдать. Это единственный человек... Она была наша соседка, и молилась, и соблюдала. Она за всю свою жизнь не съела колбасу. Умерла она уже вот тоже вот... С мамой они... Уехали они в Германию с дочкой. И так они с мамой прожили вместе на этой коммунальной кухне. Ой, сколько они... Разъехались в 90-м, значит, в 90-м мы уехали. И в сорок пятом они приехали. Это получается сорок пять лет.

Интервьюер: Ну, как столь религиозный человек мог поехать в Германию?

Юлия: Вот именно! Поехали дети, дочка уехала. Она уже поехала с дочкой. При том при всём, что ее сестру родную... О, у нас был изумительный коридор. В ее семье воспитывалась племянница, отец у нее был русский, а мама – еврейка, сестра этой тети Любы. И они оказались на оккупированной территории. Их там прятали, ее и маму. И буквально за пару недель до освобождения ее выдали и расстреляли. Вот маму расстреляли, сестру (тети Любы) расстреляли. Это Алла. Девочка воспитывалась в этой семье, она росла. Но поехали они в Германию. Но поехали они в Германию. И даже будучи в Германии, уже там была кошерная пища, но она все равно колбасу не съела.

Интервьюер: Боялась?

Юлия: Она боялась, что это будет не то.

Интервьюер: За всю жизнь человек не ел колбасу?

Юлия: Никогда!

В отличие от тети Любы, мать Юлии, тоже родившаяся в религиозной семье, была воинствующей атеисткой до последнего дня своей жизни, что не мешало ей уважать чувства соседки. Атеизм не мешал ей также готовить еврейские блюда, не слишком заботясь о кошерности, но не забывая о праздниках.

Юлия: Но в семье соблюдались абсолютно все праздники. И все праздники мы знали по пирожкам и изделиям, которые были, принадлежали данному празднику. Что означал каждый праздник? Ну, приблизительно что-то такое знали, но не очень глубоко.

Похожую историю о сохранении кошерности в советское время рассказал Владимир Б., 70, родители которого были людьми религиозными. Когда исчезла последняя возможность добывать в их родном Курске кошерное мясо, они стали вегетарианцами.

Юлия преклоняется перед героическими усилиями тети Любы вести кошерный дом, хотя сама она совсем не религиозна и скептически относится к молодежи, вдруг надевшей в Израиле кипу. Характерно, что, называя их «хлопцами», она словно отказывает им в еврействе и намекает на прагматический подход к делу. В Израиле, как и в постсоветской России, некоторые евреи примкнули к религии не из-за внутренней убежденности, а в связи с возникновением благоприятных условий (Рывкина 1996: 95–96). Быстрая трансформация не всегда имеет долгосрочный и необратимый характер. Прежние привычки могут взять верх, как это произошло, например, с Марией С.

Мария С., 25

Праздники. За год до отъезда мы начали праздновать еврейские праздники. Первый год мы тут тоже очень праздновали. Даже, когда я только приехала, я завела себе кучу *датишных* (религиозных, – русифицированный иврит) знакомых в Иерусалиме. И уж не знаю, за чей счет мы съездили всей семьей на Пасху (Песах)²². Четыре дня нас возили

на экскурсию. Было страшно интересно. А чем дальше, тем больше мы стали игнорировать израильские праздники. Теперь они вообще для нас не существуют. Мы справляем советский Новый год с 31 декабря на 1-е января. А на праздники израильские мы идем в поход.

Подобно Марии, Галит Б., будучи существенно старше и опытнее, резко изменила собственное восприятие еврейства под влиянием внешних обстоятельств, связанных с эмиграцией.

Галит Б., 60+

Галит: И когда сын сказал, что мы должны уехать. Он женился, он успел жениться. Он должен был уехать в Америку. Я это, к этому относилась как-то более не менее. Но он говорил так, это когда еще ехали через Италию. И он тогда сказал, что: «Мама, если у меня не получится уехать через Италию и в Америку, я уеду в Израиль». Я говорила: «Ни, нет, нет, нет». Я не понимала. Я не представляла. Вот, это все были слухи. Я (пауза) знала, что существуют евреи, что я сама – еврейка. Что я знала, что есть какие-то праздники. Я помню прекрасно, я э дедушку своего помню, Пейсах как справляли. А так как я была самая младшая в семье, вот этот, э-э, как он называется? Вот этот остаток мацы, который прячут.

Интервьюер: Да, да, да, да.

Галит: Вот этот, вот как-то я боюсь...

Интервьюер: *Афикоман*.

Галит: *Афикоман*, господи! Ну, *Пейсах* придет, я вспомню. Э, да, *афикоман* всегда мне доставался. Я помню, как, я помню, как он (пауза) молился, и с таким м-м э (пауза) уважением мы относились. Больше того, квартира и дом наш находился в Киеве на улице, как говорится, дом перед синагогой. То есть все праздники проходили у меня на глазах. Начиная от того момента, когда мы вернулись после эвакуации э, ну из Алма-Аты, из Казахстана, и все это было на глазах, потому что двор был огромный. Внутри двора стоял двухэтажный дом. На первом этаже мы жили. И когда (пауза) на *Йом-Киппур* люди шли нарядные, красивые. Люди

одевают самые красивые одежды на *Рош-ха-Шана*. Ну, все праздники, которые ну, э сопровождаются тем, что люди идут в синагогу, особенно, конечно, *Йом-Киппур*. Улица была буквально э-э заполнена э до предела. (...) И вот этот (*пауза*) э *цом* (пост, – иврит) проходил буквально у нас на глазах. И вечером мама ставила большой чайник. Когда люди возвращались, она пекла что-то (*пауза*) заранее. И (*пауза*) вот первый момент выпить чай и угостить тортом. Это было у нас. А потом уже люди шли домой.

В Советском Союзе Галит сознательно отдалялась от всего еврейского, хотя, в отличие от Марии, национальность отнюдь не скрывала. Вместе с тем, сын перешел на ее фамилию, предпочтя ее русскую фамилию еврейской фамилии отца. В Израиле Галит поменяла имя на ивритский аналог, заинтересовалась историей Израиля и ивритом. В отличие от Марии, ее интерес к еврейству оказался стойким и, наложившись на воспоминания детства, сформировал чувство преемственности.

Среди наших информантов было восемь горских евреев, причем шесть из них рассказали о соблюдении еврейских традиций в их семьях. По наблюдению Гительмана, еврейская самоидентификация евреев, живших в неевропейских регионах СССР, была положительно окрашенной, основанной на традициях, религии и сознательном стремлении сохранить свое этническое своеобразие (Гительман 1991: 39). Татский язык, персидский в своей основе, но включающий также ивритскую лексику, осознается всеми информантами, как язык общины и как важнейшая составляющая еврейской традиции, хотя степень владения им разнится (см. главу седьмую). Вместе с тем, даже те из наших информантов, горских евреев, которые считают себя религиозными или соблюдающими традиции, во многом далеки от соблюдения всех правил и норм ортодоксального иудаизма. Это проявляется в более либеральном отношении к кашруту, одежде и соблюдению субботы. Заметим, что ни один из информантов не упомянул об особом празднике горских евреев – гов-джиле, который по наблюдениях Кенани Бра-

ма, чрезвычайно важен для их самоидентификации в Израиле и близок к мимуне²³, отмечаемой евреями из Марокко (Брам 2004). Как и в рассказах европейских евреев, особое место в интервью уделено Песаху.

Юлия Х., 53 и Лилия Б. 56

(воспоминания о праздновании Песаха)

Интервьюер: А праздники у вас праздновали?

Лилия: Конечно! У нас не было такого, чтоб мы Песах не праздновали, Рош-а-Шана не праздновали, или что-то, что-то. У нас Дербент – маленький Израиль. (...)

Юлия: Это было что-то необычайное. Во-первых, мама всем нашивала где-то новое, где-то сама сошьет платочки, кофточки, штанишки. Ботиночки всем детям. Всем! На Пасху все было спрятано это, на *Пасху*. Все это знали. На *Пасху*. Второе...

Лилия: На *Пасху* обязательно новые вещи.

Юлия: Ну, да, да. Обновлялось все. В доме, значит, к *Пасхе*, даже, если все чисто, все перемывалось заново, все белилось, все подкрашивалось. Посуда, которая нам не нужна была, лежала, она вообще не трогалась, все. Она вытаскивалась, перечищивалась, заново на место. Все было заново. Постелены ковры, постелено все. Сегодня вечером *Пасха*, вчера у нас все закончено. Блеск. И сегодня с утра ни одного кусочка хлеба дома нет. Все. Хлеб был во дворе. Кому кушать – во двор. Вот одна кастрюлька под такое, сегодня покушать приготовлено, вот эти тарелки... Все – эти посуду, эти тарелки... Значит, завтракали, можно было до десяти, до одиннадцати часов есть. Потом нельзя. Надо чтобы желудок очищался. Всю эту посуду – позавтракали, поели, – мама перемывала и тут же убирала в сарай. Все! В доме ни одной крошки, ни конфеточки, ни печенья, ничего.

Интервьюер: А, то есть хлеб ели во дворе?

Юлия: Все, поели, позавтракали...

Интервьюер: А хлеб ели?

Юлия: Нет.

Лилия: Да, да (наложение голосов).

Юлия: Сегодня вечером *Пасха* начинается, утром поели. Уже настолько дети все это знали, что нельзя! А зачем, почему? Это не то, что не говорили... Это уже *Пасха* начинается. Бабушка вечером читает *Тору* (ударение на «о»), значит, *Седер*. Так делалось у кавказских евреев²⁴. У бабушки громадный был зал. Громадный зал. Стелили везде, значит, подушечки, матрасы.

Лилия: На полу, все на полу умещались.

Юлия: Да, на полу. И стелилась, одна скатерть – не хватало. Приходила наша семья – папа с мамой. Папа часто (выездной характер работы) редко бывал. Значит, мама и наши семь детей. Дядя с женой и шестью детьми, там, может быть, другая тетя иногда придет, иногда – нет. У них свой *Седер* муж делал, и он все делал, все умел читать. Там очень большая семья, у себя собирались. Значит, сидели мы все на полу. И под боком каждого – одна подушечка. Было подготовлено. Бабушка начинает читать с самого начала всю историю еврейского народа. Всю историю. Она читала, она говорила на нашем языке (татском). (...) Мы думали часто, что бабушка читает там, что на нашем написано. Идем, смотрим: нет, крючки, закорючки. Что такое?

Интервьюер: А она читала...

Юлия: А она настолько знала древнееврейский язык, древнееврейский иврит. Она настолько изумительно знала! Она просто читала глазами и уже говорила на нашем языке. Ну, читала, писала на иврите великолепно.

В данном фрагменте бросается в глаза близость культуры горских евреев к восточной традиции. Ковры, матрасы и подушечки не только составляли важную часть убранства дома, но были также обязательным компонентом девичьего приданого, равно как и эмигрантского багажа. Юлия, как и некоторые другие информанты из числа горских евреев, упоминает тот факт, что бабушка, свободно читавшая на иврите, не обучала этому детей. В лучшем случае, молодежь могла говорить по-татски, хотя основным языком коммуникации для них уже был русский. Естественно поэтому,

что библейские рассказы пересказывались детям на русском, или на татском.

Эклектизм в религиозных верованиях отличает в равной степени и евреев, и неевреев. Процитируем еще два примера из интервью с молодыми информантами, прибывшими из мусульманских республик бывшего СССР. Один из них, горский еврей из Махачкалы, заявил:

Расул О., 24

Ну, когда говорят про нас: «ваши кавказские обычаи», конечно, это в корне как бы в этом предложении есть одна большая ошибка. Потому что это не кавказские обычаи, это элементарные обычаи Торы, Библии иудейской, которые как ни странно, то есть перешли в законы шариата, и поэтому у дагестанцев, у них ихние законы – это смесь законов гор... горцев и шариата – ислам. И они как бы полностью олицетворяют, то есть вошли туда из Торы.

Симбиоз культуры горских евреев с культурой их соседей, других кавказских народов, отмечают и исследователи данной группы (Колесов, Сень 2000: 208–209; Членов 2000: 179). Другая информантка, Екатерина Р., 24, приехавшая из Ташкента, считает себя христианкой. Она происходит из смешанной семьи – отец еврей, а мать – русская, верующая христианка. В Ташкенте семья была хорошо интегрирована в местную узбекскую мусульманскую культуру. Екатерина помнит о том, как обе ее бабушки «очищали» дом молитвами, одна – еврейскими, а вторая – христианскими. В поисках синтеза между тремя великими религиями, Екатерина, уже в Израиле, познакомилась с представителями секты, пытающейся на практике осуществить интеграцию между иудаизмом, христианством и исламом, и рассказала нам об этой встрече:

Екатерина Р., 24

В этом течении связаны три религии вместе. Знак этой религии, то, что она мне показала, Маген Давид²⁵, в нем

крест, а снизу полумесяц. Слышали об этом? Это человек, как она рассказала мне, должен быть по воспитанию – мусульманское отношение, база, основа законов – Тора, а путь – это христианский опыт».

Российскому читателю понятна двойственность самоидентификации советских евреев. В советское время, и особенно в послевоенный период, еврейские культурные организации были разрушены, преподавание иврита запрещено, а идиш не поощрялся. Сталинский террор конца 40-х – начала 50-х годов обрушился, прежде всего, на еврейскую интеллигенцию. Результатом стало ускорение ассимиляционных процессов. Люди воспринимали себя евреями на основе национальной принадлежности и общности судьбы, а еврейские культурные традиции часто сохранялись лишь фрагментарно, нередко смешиваясь с христианскими ритуалами. В нашем материале отразилась расколота мозаика верований и представлений, не складывающаяся в целостную систему, что характерно и для советских людей в целом. По мнению Дубновой, мировоззрение российского большинства – это мировоззрение эклектичное, сочетающее логически не связанные между собой элементы: сохраняющие веру в науку и прогресс с достаточно неопределенной верой в Бога, в котором большую роль играют квази- и паранаучные мифологемы (Дубнова, 2003: 182). Более стойкими оказались фольклорные тексты: песни на идиш, еврейские анекдоты, пословицы и поговорки, многие из которых передавались уже на русском языке. Но, пожалуй, наиболее действенными для объединения людей были рассказы об ужасах Катастрофы, о деле врачей, об ограничениях при приеме в вузы и на работу, установленные для евреев советскими властями. Именно эти рассказы вызывали у евреев осознание общей судьбы. Согласно данным социологического обследования, проведенного в 1995 г., бывшие советские евреи практически потеряли свою национальную культуру: «По своей культуре российские евреи скорее русские. Черты еврейской национальной культуры, сохранявшиеся к моменту рево-

люции 1917 года, в них практически стерлись. Вместе с тем по своей истории, генеалогии, а также расово-этническим чертам они остаются евреями. Остаются как по их собственному национальному самосознанию, так и по внешним чертам. К тому же они сохраняют психологическую привязанность к своему еврейству» (Рывкина 1996: 58). Вывод этот подтверждает давнее наблюдение Воронеля о психологической общности еврейства, сформированной общим происхождением и двухтысячелетним рассеянием (Воронель 1973: 33). Согласно еврейской традиции, возвращение в Израиль – это и заповедь, и привилегия. И хотя большинство советских евреев были светскими и ассимилированными, понятие Земли Обетованной не исчезло из коллективного сознания. Оно сохранялось в передаваемых шепотом рассказах о родственниках и друзьях, прозябавших в СССР и преуспевших в Израиле, а также в популярных анекдотах.

Самоидентификация – явление сложное и недостаточно изученное, не всегда укладывающееся в прокрустово ложе определений. Скорее, оно представляет собой динамический процесс, подверженный постоянным изменениям и не застывающий в жесткую конструкцию (Розенталь 1997: 23; Холл 1996: 2–3). Символические границы, определяющие «я», отнюдь не стабильны, способны меняться в течение жизни, иногда разделяя семьи. Изменение общественных предпочтений нередко вызывает усиление определенных аспектов самоидентификации, затушевывая другие. Одна из наших информанток, Мариула Ф., 25, еврейка по Галахе, считает себя цыганкой, в соответствии с национальностью отца. Ее родная сестра в Израиле стыдится цыганских корней, боясь вновь окзаться «другой».

Примечания:

¹ Материал этой главы частично опубликован в статьях: Фиалкова, Еленевская 2003 и Фиалкова, Еленевская 2004а.

² Разумеется, среди множества идентификаций, встречающихся в рассказах, есть и гендерные, семейные, профессиональные, но в данной главе мы остановимся лишь на вопросах национального самоопределения.

³ Приведем статистические данные, полученные в результате разных социологических исследований. Данные Аль-Хаджа и Лэшема (в процентах по отношению к общему числу информантов): тревога о будущем детей – 36,2%; неуверенность в будущем – 31,7%; стремление жить в еврейской стране – 24%; низкий уровень жизни в бывшем СССР – 19,2%; личные причины – 19,1%; антисемитизм – 17,2%; преступность и отсутствие личной безопасности – 10,9%; Чернобыль и экологические катастрофы – 9,1%; родительское решение – 8,6%; надежда на трудоустройство в Израиле – 6,2%; потому что все поехали – 4,4%; боязнь погромов, дискриминация – 2,1%; плохие соседи – 0,5% (Аль-Хадж и Лэшем 2000: 11).

По данным Фельдмана, причины эмиграции таковы: отсутствие будущего для детей – 73%; отсутствие перспектив самореализации – 72%; усиление антисемитизма и безнаказанный разгул «национал-патриотов» – 58%; политическая нестабильность и угроза восстановления тоталитаризма – 55%; «все поехали – и мы тоже поехали» – 54%; желание жить в национальной стране – 32% (Фельдман 2003: 30–31).

Респонденты Рывкиной назвали шесть основных причин, заставляющих их раздумывать об эмиграции: во имя будущего детей – 52%; неведение в улучшение политической ситуации в России – 46%; боязнь политической нестабильности – 41%; ради повышения уровня жизни – 36%; из страха перед антисемитизмом и оскорблениями – 29%; ради воссоединения семей – 26% (Рывкина 1996: 186). Подобное соотношение причин возможной эмиграции из бывшего СССР показал и опрос, проведенный Бримом (Брим 1994: 78–81).

⁴ Вытесняющие факторы определяли и еврейскую эмиграцию в Германию в 90-е годы, а список причин, выделенный нами, в основном, совпадает с данными Диц (Диц 2000: 643).

⁵ Чернобыльская катастрофа как причина эмиграции рассмотрена в социологической перспективе в статье Ременник 2002 и с позиции фольклориста Фиалковой (2001). Рассказы эмигрантов из Кавказского региона – это воспоминания беженцев. Приведем фрагмент из рассказа семьи Асланян:

Нубар: Так что нечего удивляться. У меня в Армении большая фонотека и ноты...

Интервьюер: А Вы не привезли?

Нубар: Нет. У меня там два фортепиано остались. Как? Всё было закрыто: братский Азербайджан сверху, враг Турция – снизу. Всё было в блокаде. У нас света не было. У нас газа не было. Света – час в день.

Армен: Полчаса. А 15 минут, не помнишь, в день?

Интервьюер: 15 минут в день свет?

Нубар: Мы в пальто спали, Лариса, мы в пальто спали! Я говорю нашим братьям: где вы были, братья евреи, почему вы не приехали помогать? (наложение голосов, слышен голос Аллы, но транскрибировать её слова нельзя). И это не только были евреи. Один из цивилизованных народов мира погибает... Америка, где ты? Сейчас ты рвёшься в Ирак, хочешь там порядок навести... Америка, где ты была? Мы же там погибли! Погибали там, на самом деле. До сих пор у меня вот эта нога повреждена, т.е. я до сих пор, я сплю в носках, потому что вот с этого года мы уже привыкли спать в носках.

Интервьюер: Холодно иначе.

Нубар: У нас дома было два градуса. А это на улице минус двадцать.

Интервьюер: Это было бегство из Армении?

Нубар: Это было бегство. Я признаюсь, что это было бегство.

Интервьюер: Вы в 94-м году, по-моему, приехали?

Нубар: Мороз, который, этот тяжелейший год, это было... декабрь.

Армен: 92-й год.

Алла: 93-й

Нубар: Подожди, Аллочка! Декабрь девяносто второй – это было страшно. Начало девяносто третьего...

Армен: Это было равносильно Ленинградской блокаде.

Подобное описание встречается и в рассказе Эльвиры Д., 34, описывающей Тбилиси в начале 1990-х. Архетипический образ Ленинградской блокады встречается и в интервью с Сергеем Л., 65, где он включен в иной контекст, а именно в связи с сиреной в период войны в Персидском заливе, напомнившей ему Ленинградский метроном. Остальные причины представлены небольшим количеством ответов и в деталях обсуждаться не будут.

⁶ Люди, рассказы которых мы цитируем по этнографическому дневнику, не включены в список информантов. Мы не записывали их истории на

магнитофон и не просили разрешения на их публикацию. Поэтому мы даем минимальную информацию об этих рассказчиках, а псевдонимы призваны помочь атрибутировать несколько рассказов, опубликованных в разных разделах, одному и тому же человеку.

⁷ Той же стратегии замалчивания травматичных вопросов придерживаются и некоторые родители-неевреи в Израиле. Например, Эльвира Д. скрыла от дочери, что мать одноклассницы, горская еврейка из Баку, обвинившая девочку в агрессивности, многозначительно добавила: «армянская кровь». Избегает Эльвира и разговоров на религиозные темы, что, однако, не свидетельствует о желании видеть детей ассимилированными.

Эльвира Д., 34

Еще, еще страшно, что э-э вот я говорю: «мои дети будут, наверное, (пауза) не знаю, вот, наверное, дети планеты Земля. Наверное, так. Потому что э ну, на армянском они, наверное, научатся разговаривать. Но кто они? Вот так, если посмотреть. Вот, кто они? Израильтяне? Просто израильтяне и все? Не имеет значения, какой нации.

Эльвира несколько раз возвращалась к теме этнической и религиозной принадлежности своих трех дочерей, подчеркивая, что не затрагивает этих вопросов с детьми, предоставляя им самим сделать выбор. С одной стороны, она считает понятие «национальность», включающее для нее и язык, и традиции, несущественным. С другой стороны, боится, что дочери могут утратить связь с армянской культурой. В отличие от многих других неевреев, этнические армяне могут присоединиться к армянской общине Израиля. Эльвира, как и другой информант, Петр А., 19, несколько раз была на мероприятиях Хайфского армянского клуба, но разочаровалась в местном диалекте и чуждой ментальности израильских армян. Судя по всему, различия действительно велики, потому что армянские эмигранты из Армении, прибывшие в Израиль в 1990-е годы предпочли, вместе с еврейскими членами своих семей создать отдельную ассоциацию выходцев из Армении. Семья Асланян всячески стремится наладить контакт между двумя армянскими общинами. Недавно этнические украинцы создали ансамбль «Українці Ізраїлю», а этнические русские – организацию «Русская община в государстве Израиль», деятельность которой освещена в интернете: <http://www.homeru.com/ruscom.html>.

⁸ Сравните это с рассказом Софии Ш., 31. Ее друзья реэмигрировали в Канаду, что сразу вызвало у их детей, родившихся в Израиле, вопрос: «Так мы уже не еврейцы?»

⁹ Лицемерность понятия «семья братских народов» часто обыгрывается в интервью. См., например, фрагменты из рассказы Инны Х. в тексте и семьи Асланян в сноске 5.

¹⁰ См. фрагмент интервью о «еврее по папе» в Америке (Комарова 2002: 58).

¹¹ Приведем иную версию того же анекдота из нашего этнографического дневника:

Почему евреи были умнее всех в СССР и почему в Израиле так много дураков?

— Евреи как навоз: когда их мало — они удобряют почву, а когда их много, — это просто куча дерьма.

¹² В цитируемых фрагментах названия еврейских праздников и предметов ритуала приводятся в той форме, в которой они фигурируют в том или ином интервью. В авторском тексте их названия даны в соответствии с их написанием в Краткой еврейской энциклопедии (Орен и Прат 1976–2001). Песах — один из трех паломнических праздников, наряду с Шавуот и Суккот. Согласно Библии, ежегодное празднование Песах отмечает день, когда Бог вывел народ Израиля из египетского рабства, а церемонии и ритуалы праздника призваны напоминать события, которыми сопровождался исход. Начинается 15 нисана и длится 7 дней в Эрец-Исраэль и 8 дней в странах диаспоры (обычно в апреле по григорианскому календарю).

¹³ Рош-ха-Шана -Новый год по еврейскому календарю (обычно в сентябре по григорианскому календарю).

¹⁴ Пурим (ударение на последнем слоге) — праздник в честь избавления евреев от козней визиря Хамана (Амана по русской традиции), угрожавшего персидского царя Ахашвероша (Артахсерса) истребить их (Есф. 9:20-32). Царица Есфирь, узнавшая от своего двоюродного брата Мордехая о готовящемся истреблении евреев, открыла Ахашверошу злодейские замыслы Хамана, и царь приказал повесить Хамана и его сыновей. Название праздника происходит от слова пур (жребий), который бросал Хаман, чтобы назначить месяц истребления евреев (Есф. 3: 7). Пурим празднуется 14 адара (как правило, в марте по григорианскому календарю). Ханукка (ударение на последнем слоге) — праздник в честь

победы Маккавеев в 163–165 гг. до н.э. Первая книга Маккавеев (4:36–59) рассказывает о том, что после победы над греческим военачальником Лисием Иехуда Маккавей вступил в Храм, который до этого в течение трех лет был во власти греков. Хасмонеи очистили Храм от предметов языческого культа. В течение восьми дней продолжалась церемония обновления Храма. Тема чуда, которое произошло при зажигании храмовой меноры, отсутствует в кн. Маккавеев; она находит свое развитие в древнем комментарии к Мегиллат Та'анит из трактата Шаббат Вавилонского Талмуда и Антиоховой свитке. Хасмонеи, внезапно обнаружив, что только один сосуд с оливковым маслом (елеем) остался не оскверненным греками, а масла в этом сосуде достаточно лишь для одного дня горения, тем не менее зажгли менору, и масло горело восемь дней. В память об этом событии в Ханукку зажигают ханукальные свечи. Праздник установлен в эпоху Хасмонеев и празднуется в течение 8 дней с 25 кислева до 2 или 3 тевета (в конце ноября–декабре по григорианскому календарю). Все информанты произносят название праздников Пурим и Ханукка с ударением на первом слоге и без удвоения «к» в слове «Ханукка»–Ханука.

¹⁵ Мацца (в русской традиции – опреснок), пресный хлеб без дрожжей, употребляемый в пищу в Песах вместо обычного хлеба. В произношении всех информантов «ц» не удваивается.

¹⁶ Имеется в виду Иом-Киппур (ударение на последнем слоге) – день прощения. Русское название День искупления, Судный день. Самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов. Отмечается в десятый день месяца тишрей и является знаменательным завершением десяти дней покаяния (конец сентября–октябрь по григорианскому календарю).

¹⁷ Симхат Тора (радость Торы) – праздник, который в Эрец-Исраэль отмечается в последний (восьмой) день Суккот. В странах рассеяния празднуется днем позже. В тот день завершается годичный цикл чтения Торы и сразу же начинается новый цикл чтения. Суккот (Кущи) – семидневный праздник, начинающийся в пятнадцатый день месяца тишрей в память о кущах, в которых жили израильтяне в пустыне после исхода из Египта (обычно октябрь по григорианскому календарю).

¹⁸ Вывод этот не разделяет Носенко, по данным которой гуманитарии и представители творческих профессий проявляют интерес к еврейским корням в гораздо большей степени, чем технари (Носенко 2004: 214–215). Людей без высшего образования в ее выборке было крайне мало.

¹⁹ Праздничная трапеза в вечер наступления Песаха и все ритуалы этой ночи называются седер (букв. «порядок»), точнее, седер Песах.

²⁰ Хаггада Пасхальная – сборник молитв, бенедикций, толкований Библии и литургических произведений, прямо или косвенно связанных с темой Исхода из Египта и ритуалом праздника Песах. Чтение Хаггады Пасхальной в ночь праздника Песах (с 14 на 15 нисана) – часть седера. В русской традиции – Пасхальная Агада.

²¹ «Советиш Геймланд» («Советская Родина») – литературно-художественный и общественно-политический журнал на языке идиш.

²² Многие информанты называют Песах Пасхой, что находит объяснение в русской традиции. В «Библейской энциклопедии» Песах называется «Пасха ветхозаветная» (Архимандрит Никифор, 1990: 552–553).

²³ Мимуна (ударение на «у»), также маймуна, праздник, отмечаемый евреями Магриба и ряда близких к ним еврейских общин, на следующий день после Песах. По преданию, Мимуна – это ежегодные поминки по отцу Маймонида – Маймону б. Иосефу (ок. 1110 – между 1165–1170), жившему некоторое время в Фесе.

²⁴ Горские евреи часто называют себя кавказскими евреями, а свой язык – кавказским, хотя это название и неточно (на Кавказе живут и грузинские евреи, составляющие отдельную группу).

²⁵ Маген-Давид – шестиконечная звезда, гексаграмма, образованная двумя равносторонними треугольниками с общим центром, ориентированными противоположно друг другу. Древнейшее изображение относится к 7 веку до н.э. Широкое распространение Маген-Давида в XIX веке объясняется стремлением евреев найти простой символ иудаизма, аналогичный христианскому кресту. Маген-Давид изображен на израильском флаге.